

ЕЛЕНА КНЯЖИНА

ПРОКЛЯТИЕ
ЗЕЛЕНОГЛАЗОЕ
ИЛИ ТЬМА ЕЕ ПОБЕРИ!

Елена Княжина
**Проклятие зеленоглазое,
или Тьма ее побери!**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69223369

SelfPub; 2023

Аннотация

Утром в книжной лавке хотелось его придушить. Днем в парке – скормить рою плотоядной саранчи. Ночью, в постели, от него стала зависеть моя жизнь. Если он уйдет – Тьма завладеет моим телом, а душа отправится в ее мрачные чертоги. Если останется, то потребует слишком высокую плату за свои сомнительные услуги... Наверное, не стоило нового Мастера проклятий сравнивать с филейной частью местного парнокопытного?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	44
Глава 4	56
Глава 5	73
Глава 6	89
Глава 7	100
Глава 8	120
Глава 9	129
Глава 10	137
Глава 11	150
Конец ознакомительного фрагмента.	157

Елена Княжина

Проклятие зеленоглазое, или Тьма ее побери!

Пролог

Девчонка без имени была так истощена темной хворью, что он вполне мог поднять ее одной ладонью. Удержать на трех пальцах, покачивая в воздухе, как тряпичную куклу.

Вместо этого Данн подsunул обе руки под невесомое тело и аккуратно сгреб с середины кровати на её половину. Они так «договорились» с самого начала, и не стоило менять правила в последний день. Это бы внесло в устаканившуюся жизнь лишний хаос.

Небольшую уютную комнату заливал серый свет, просачиваясь сквозь идиотские занавески с рюшами и очерчивая фигурку на бело-розовых простынях. За окнами уже собирался рассвет. Но не спешил, позволяя Данну еще задержаться.

Маг убрал ее тонкие бледные руки со своей подушки и уложил по обе стороны от чернявой головы. Провел большим пальцем по почти белым губам. Завтра они будут розовыми, а на щеках разыграется румянец. Глаза снова забле-

стят раздражающей зеленью. Девчонка шла на поправку.

Сейчас из этого дерзкого рта не вырывалось оскорблений, и смотреть на него было приятно. А признаваться себе в этом – нет.

Данн улегся на *свою* сторону, машинально набросил покрывало, шумно выдохнул в потолок. Докатился. Лежит и прислушивается к легкому, еле слышному дыханию.

Зараза. Вархова зараза. Стоило бросить ее в том парке и не портить себе жизнь.

Он сел резко, сбросил с себя покрывало с дурацкими рюшами. Эта девчачья комната доконала его еще в первые сутки! Что может быть нелепее, чем столичный мастер проклятий, любимчик Тьмы и ужас врагов короны, развалившийся на бело-розовом зефире с кружевными оборками?

Так и остатков пугающей репутации лишиться можно. А его вполне устраивало, что простак при его появлении делают шаг назад и опускают в пол глаза...

Тьма ее побери!

Пора уходить. Прямо сейчас. Все ведь так просто. Встать, собрать с пола вещи, привести себя в порядок и выйти из варховой спальни. Спуститься вниз, предельно вежливо пообщаться с издергавшимся папашей, принять благодарности и оплату...

И никаких ошибок. Больше они с ней никогда не увидятся. Так будет лучше для обоих.

Рэдхэйвен сполз на край кровати, свесил ноги, поднял с

пола порванную рубашку. С силой потер лицо. Размял шею, почесал недельную щетину. Нащупал след от укуса... Ничего, он за него отомстил.

Скосил голову набок и очертил глазами две изящные ступни, торчавшие из-под подола длинной сорочки. Задумчиво пересчитал смешные маленькие пальцы. Приподнял ткань, провел указательным по хрупкой щиколотке, отмеченной паутинкой серых вен. Прорисовал каждую, запоминающая витиеватый узор... К утру они исчезнут совсем. Он этого уже не застанет.

Девчонка дернула ножкой: щекотно. Данн хмыкнул, развернулся, просунул руку под ее затылок и приподнял голову над подушкой. Притянул к себе безвольное тело. Тряпичная куколка, выбившаяся из сил, измотанная борьбой...

Это сейчас зараза прикидывалась покорной. Потому и лезли в голову идиотские мысли об «оплате». А ты пойди к зеркалу да пересчитай все царапины, оставленные варховыми когтями...

Ткнулся носом в ложбинку на длинной шее, вдохнул, вздрогнул, мгновенно захмелев. Отбросил девчонку обратно на подушки и резко поднялся с постели. Проклятье!

Чем выше поднималось солнце над Анжарской провинцией, тем явственнее Рэдхэйвен понимал, что не может уйти отсюда с пустыми руками.

Хозяин дома сказал, что за спасение зеленоглазой заразы Данн может взять все, что захочет. Вообще все. И потому

внизу его дождался бесценный древний артефакт – оплата недельных трудов.

В окно стучалась ветка с резными красными листьями, отбивая секунды.

Хрясь! Хрясь...

Он серьезно собирается это сделать?

Знает ведь, что пожалеет...

Глава 1

За неделю до событий пролога

– Подожди меня тут, ладно? – крикнула Вейну, толкая стеклянную дверь книжной лавки. – Каких-то пять минут, и я вся твоя.

В нос ударил привычный запах старых страниц, пыли и духов сирры Фэрвей. Домашний и уютный. Я даже зажмурилась сытой каффой, насколько приятный.

– Знаю я эти ваши «пять минут», мисс Ламберт, – проворчал Диккинс, картинно хмуря брови под светлой, выгоревшей за лето челкой. – И эти ваши «вся твоя» тоже...

Он и дальше что-то раздосадовано бубнил, но я успела скрыться за дверью. Сам виноват, что повел меня на прогулку мимо лавки Фэрвей. Раз уж так хорошо все знает, мог бы выучить и мою зависимость от ветхих научных трудов. Беспощадную и совершенно неконтролируемую.

Ладно, мне же только одним глазком глянуть! Дойду до витрины, пальчиком приподниму защитные чары. Вдохну поглубже аромат вожделенных страничек и пообещаю им вернуться завтра. Мне просто надо убедиться, что он и правда тут. Ровно там же, где и я. И мы наконец встретимся.

Трактат Милезингера! Тот самый, который ну никак не мог оказаться в нашем Вархом забытом Аквелуке... И тем не менее – та-да-дам! – он это сделал. Оказался, то есть. Ждал

меня своими шуршащими старостью страничками, а я, как назло, еще неделю назад пообещала Диккинсу погулять. Вот что за невезение?

– Позвольте? – попыталась протолкнуться через неприлично высокого джентльмена, но эта скала встряла в узком проходе намертво. – Сир?

Он молчал и больше напоминал статую, чем кого-то из плоти и крови. Понадобится кран на магической тяге, чтобы эвакуировать окаменелого посетителя, не подающего признаков жизни. Или небольшой направленный взрыв темного топлива.

Да Варх с ними, с признаками. Слух-то у него есть?

– Кхм-кхм!

Прямая спина не шевельнулась, и я даже решила, куда его направить. Взрыв этот. Вот прямо под наглый...

– Ау, вы весь проход заняли, сир! – попыталась держать себя в рамках. Может, он и впрямь глуховат? – Купите книжку и идите читать домой.

Оглядев широкие плечи посетителя, замотанные в походный темно-синий плащ, пришла к удручающему выводу. (Мы, теоретики магии, очень это дело любим – к разного рода выводам приходиться. Хлебом не корми, дай всех вокруг осчастливить результатами умственного труда.)

Так вот, мой свеженький, с пылу с жару сделанный вывод, гласил: даже если мужик повернется боком и прижмется поясницей к стеллажу, я вряд ли смогу протиснуться, ни разу к

нему не притронувшись. Видит Варх, задену или одной своей частью, или другой, смотря какой стороной просачиваться. А это уже чревато...

– Сир... Это общий коридор. Вы не могли бы выйти и позволить мне войти?

Касаться незнакомых магов подобного уровня силы считалось не только дурным тоном, но и весьма опасным мероприятием. Никогда не знаешь, чем это для тебя окончится. Отец говорит, в столице многие болезненно реагируют на прикосновения. Прямо в бешенство приходят от случайного столкновения. Вдруг этот маг – именно из таких, психованных?

Так что я, будучи девушкой разумной и осторожной, поначалу просто скромно покашливала. Хотя теперь уже заходила в таком истошном хрипе, будто в горле застряло как минимум гхаррово копыто. Как максимум – весь гхарр целиком.

На мое по-великански раскатистое «Кхе-Кхе!» даже Палетка, каффа госпожи Фэрвей, вылезла из-под лавки. И неодобрительно так мяукнула, дернув несоразмерно длинным и пушистым хвостом.

А как еще сдвинуть эту зачитавшуюся глыбу? По-хорошему мужик не понимал.

– Эй, мистер!.. – рявкнула в сердцах. Так, что люстра над головой звякнула стекляшками.

Он развернулся. Проклятье!

Нет, в целом, мужчина выглядел, как коренной анжарец. Он подходил под это звание даже больше, чем я. Широкие черные брови, слегка загорелая кожа, трехдневная щетина (наши мужчины плохо сочетались с бритвенными принадлежностями)... И все же я точно поняла, что это чужак.

Виной тому были ярко-желтые глаза, сверкавшие, словно сахарный леденец на солнце. Полный мрак.

– «Эй, мистер»? Не слишком вежливо, вы не находите? – произнес бархатно, с невыразимым и отчего-то невыносимым достоинством.

Я и не рассчитывала уже, что окаменелого незнакомца можно чем-то задеть. Ан нет, смотрите-ка, пробрало. Столичный сир у нас, оказывается, жутко высокомерный и самодовольный. Не какой-то там «мистер».

– Я нахожу, что вы загородили проход к артефакторному разделу. Отодвиньтесь... А лучше выйдите совсем.

Пялилась на его золотые глаза я совсем неприлично. Нехорошо так нагло людей разглядывать. Но разве такие вообще бывают?

Светившиеся, как два джантарика в солнечных лучах, странные глаза вполне могли показаться красивыми, будь хоть немного добрее. Но нет. Вся неприглядная суть выпирала из них напоказ.

– Я предпочту остаться там же, где сейчас, – с издевательскими хриплыми нотками в голосе заявил незнакомец.

Лицо его приобрело скучающее выражение. Оглядев меня

с ног до макушки, он не нашел ровным счетом ничего для себя интересного.

Варх Всемогущий, изгони это самодовольное нечто из моего коридора!

Я застряла взглядом в коротких темных волосах, блестящих, как шерсть черной вирры. Те были вполне пристойно уложены. Неидеально, но тип явно привык о себе заботиться. И только грязь, заляпавшая подол походного плаща, выдавала в нем человека, вырванного из зоны привычного комфорта.

Интересный мужчина, хоть и жутковатый. Местами даже привлекательный. С красиво очерченными загорелыми скулами и поистине анжарской растительностью, сползающей со щек на подбородок.

Пожалуй, этой щетине даже больше, чем три дня. Я не специалист в этом вопросе, отец всегда бреется начисто. Как любой теоретик магии, я умела признавать, что ошиблась в расчетах. Будет неуместно уточнить, сколько дней он не брился?

– Идите, идите, нечего такой удивленный вид строить, как будто табличка не для вас написана, – неодобрительно сопя, я ткнула пальцем в деревянную дощечку с правилами посещения лавки.

«Будьте взаимно вежливы и не блокируйте проход к дальним стеллажам».

Мстительно сощурилась – ну, что он на это скажет?

Черные брови медленно поплыли к переносице, рисуя на лице крайнюю степень раздражения. И еще недоумения.

Чужак был искренне удивлен, что кто-то в аквелукской книжной лавчонке осмелился с ним заговорить. Глаза-джантарики опасно сверкнули, осыпав искрами заросшие загорелые щеки. Мужик резко выдохнул, поджал губы... и не шелохнулся.

– Пошла вон, – сухо бросил он и снова уставился в книгу.

Вот ведь квахар недощипанный!

– В столице все такие хамы?

И зачем спрашиваю? Знаю ведь, что практически все. Высокомерные снобы, легко играющие чужими жизнями. И временами не дорожащие даже своей.

– По большей части, да, – согласился с моими мыслями коренной хитанец. – Давайте так, девица из Аквелука. Я пришел сюда первым и мне нравится тут стоять. Прикипел, верите ли, именно к этому коридору. Так что или вы, если вдруг владеете левитацией, перепорхнете через меня... или вернетесь через пару часов, а пока насладитесь свежим воздухом по ту сторону стеклянной двери.

Он снова уткнулся глазами в книгу, и моя рука чуть не перепорхнула ему в нос. В голову полезли преступные мысли об удушении и последующем ошипывании всяких надменных квахаров.

Глаза принялись суматошно ощупывать полки на предмет самого увесистого тома. Хотя вряд ли я смогу подпрыг-

нуть так, чтобы сверху обрушить на мужика всю мощь древних знаний.

Ва-а-а-арх! Ну, пожалуйста... Чего тебе стоит шандаракнуть этого типа молнией или чем ты там умеешь? Мне очень нужно пройти к витрине за его спиной. Жизненно необходимо.

Силой от него разило, как от грузчика потом в жаркий полдень. Маг высшего эшелона, это уж как гхарру пить дать. Такие самоуверенные, наглые и высокомерные только в столице водятся. Совсем другая весовая категория. Но. Всегда ведь есть «но»?

Но я была на своей территории, а этот тип... Топтался в моем любимом углу, загораживал мою любимую полку и, что особенно раздражало, сжимал в своих невоспитанных лапах одну из маминых любимых книг!

Надо предупредить госпожу Фэрвей, чтобы не вздумала продавать Лис-Харгенскую «Эволюцию проклятий» желтоглазому упырю.

– Вы еще здесь? – он оторвался от страниц и удивленно поднял широкую темную бровь.

Вот такая я непослушная, представьте себе... мистер Варх-знает-кто.

– И никуда не уйду, – пропыхтела с досадой и привалилась плечом к стеллажу, готовясь к долгой битве.

Вейну придется подождать. Но он терпеливый парень и уже привык, что со мной всего ждать приходится. Даже обе-

щанного поцелуя в темном академическом коридоре за статуей Имиры Сиятельной.

Не виновата же я, что нам все время что-то мешает? То я приболела, то вот как сейчас – Бал Варховых даров перенесли и всех по домам отправили, пока по академии шастают неприрученные проклятия.

А нынче на полочке стоял он... Трактат Милезингера! Самое светлое пятно этого дня. Если я, конечно, сумею к нему пробраться сквозь пропитанное мраком самодовольное тело.

– Сами идите... и наслаждайтесь воздухом с той стороны, – просопела сосредоточенно, морща лоб.

– Не бойтесь дерзить незнакомцу, девица из Аквелука? – нагнулся и протянул с магической, завораживающей какой-то хрипотцой. Демон! – Мало ли, *кто* он и на *что* способен...

Голова опять начала раскалываться, в сотый раз за последние шесть часов. Этот непростой день еще предстояло как-то дожить.

Ох, я явно переоценила свои силы. Опять не рассчитала, да. А еще теоретик!

Я никогда не страдала магренью, а тут просто напасть какая-то. И с самого утра. Только мы с ребятами расселись по маг-вояжерам, как в голову стал монотонно стучать гигантский молот. «Бам! Бам!» – разносилось с завидным постоянством по черепной коробке. Обреченно потерла висок: когда же это кончится?

Глаза поймали в фокус черное пятнышко на запястье. Неприятное какое-то, грязное. И вроде чернил в руках я сегодня не держала.

Я облизнула палец и попыталась стереть кляксу. Сейчас этот столичный сноб увидит, что я вся заляпалась, и вовсе перестанет воспринимать всерьез.

Мужик с любопытством следил за перемещением моего пальца изо рта к запястью и снова в рот. Даже губы свои облизнул, задержавшись взглядом на моих. И я запоздало догадалась, как это кошмарно выглядит. Проклятье!

– Милая, ты уже видела свой вожделенный трактат Милезингера? Вчера прислали, – из-за прилавка высунулась всклокоченная рыжая голова сирры Фэрвей. – Я его только что выставила в наше застеколье в разделе прикладной артефакторики. Подальше от грязных рук. Давай-ка я сниму защиту, и ты сможешь его полистать?

Издевательски скривившиеся губы непрошибаемого хитанца намекали, что нет. Не смогу. Ни полистать, ни даже одним глазком глянуть. Тьмы на него нет!

– Завтра полистаю, – прошептала больше себе и каменной глыбе, забаррикадивавшей проход, чем хозяйке.

Да к гхаррам под копыта этого мага! Меня Диккинс ждет, мой идеально среднестатистический, математически выверенный друг, рассчитывающий на что-то большее.

Вот сколько можно его кормить обещаниями? Совести у тебя нет, Эв Ламберт. Фидж, мой мизаур, который год об

этом намекает, пакость ушастая. Давно стоило к нему при-
слушаться.

Я развернулась на каблуках и припустила к выходу. Вы-
рвалась из вдруг ставшей душной лавки и вляпалась носом
в своего заждавшегося среднестатистического принца.

– Все, я готова, – выдохнула покладисто, улыбаясь доб-
рым медово-карим глазам. – Гуляйте меня полностью, ми-
стер Диккинс.

– Знаю я эти твои «полностью», Эв... – насмешливо
фыркнул Вейн, который давно уяснил, что прогулка – это
именно прогулка. И ничего этакого.

Глава 2

Ноги сами потянули нас в парк – наблюдать за стаями перелетных сине-белых окалей и лакомиться засахаренными сердцевинами анжарских орехов.

Пока Вейн хрустел в мое ухо, я хмурила лоб и прикидывала, сколько у меня осталось дней на изучение трактата. На внеплановые каникулы отвели всего неделю, так что завтра мне обязательно надо вернуться в лавку с блокнотом и сканирующим артефактом.

Все лето я уламывала сирру Фэрвей выкупить рассыпающийся на магическую пыль фолиант. Лично нашла его на благотворительном аукционе в Либтоуне. Ясен гхарр, такую редкость она перепродает в разы дороже какому-нибудь столичному снобу. Вроде упыря желтоглазого, ага. Уверена, гад спит и видит, как увести из-под носа мое сокровище!

Но до этого я успею хоть что-то законспектировать. Моя работа над плетением медленного нагрева встала намертво, и забытые знания господина Милезингера были бы очень, очень кстати...

– Ты опять в облаках витаешь, Эв? – хрустнул на ухо Диккинс.

– Напротив, я очень твердо стою на земле, – притопнула по траве с усмешкой.

В голову тут же прилетел очередной «Бум!». Поморщи-

лась, потеряла виски. Да что же это такое?

– До сих пор болит? – парень заботливо потрепал меня по волосам и приобнял за плечи, защищая плащом от промозглого осеннего ветра.

Перед глазами плыли очертания деревьев и прохожих, купающихся в походные мантии. Погода портилась, люди куда-то спешили, размазываясь расфокусированными пятнами передо мной. Я и Вейна-то могла опознать лишь потому, что он в мое ухо пыхтел и об щеку терся.

В глаза словно песка насыпали. Черного и едкого, взрывающегося яркими золотыми искрами при каждом приступе. Прямо скажем, сегодня был не лучший день для нашего долгожданного свидания с сиром Милезингером. Но я не в том положении, чтобы носом вертеть.

Странные происшествия в академии начались как нельзя кстати. Нет, проклятые двери – это, конечно, плохо. Ужасно! Но все-таки немного хорошо.

Потому что рано или поздно мастер, вызванный ректором из столицы, все там тщательно залатает и подотрет. А я тем временем хоть одним глазком погляжу на трактат. А если повезет – то и двумя, чем Варх не шутит?

– Ээээв?

– Всю дорогу трещит. Того и гляди, совсем расколется, – проворчала с обидой.

– Нет, этого нам не нужно. Тогда твой мозг вывалится... Эээ, да вот прямо сюда и вывалится. И кто станет новым

научным светилом? – захохотал парень, глядя на поросший сочной травой холмик. Я поморщилась: слишком громко. – Прости, прости, крикетка. Ну что, домой?

– Еще погуляем, – помотала больной головушкой.

Машинально потеряла запястье – да что за грязь-то такая въедливая? Без толку. Пятно как будто только сильнее расплылось от моих стараний!

Покосилась на Вейна, выжидательно покусала губу... Ну, не-е-ет. Сама я точно заводить *эту* тему не стану.

Он не торопился приглашать меня на Бал Варховых даров. Выдерживал драматическую паузу. Но я-то знала, что это неизбежно случится сегодня. Мы уже третий год туда вместе ходим, такая традиция. Это ведь неплохо, когда в твоей жизни все предопределено и ты знаешь, что будет завтра?

Сам Диккинс был математически выверенным, будто созданным искусственно. Весь какой-то немножко средний... Средней привлекательности, среднего роста, средней болтливости.

Пожалуй, если бы меня попросили описать своего друга, я бы запнулась и надолго застряла с этим вопросом. Так, волосы светлые, длинные, глаза – медовые... Уши, рот, нос и шея – присутствуют. Если бы мы не виделись каждый день на занятиях, через месяц я могла бы его и не признать. Но мне было бы приятно с ним заново познакомиться.

Кроме Ровейна Диккинса, с которым нас связывали условно средние отношения – то ли дружеские, то ли любов-

ные, – у меня еще была учеба на факультете теоретической магии. И скромненькая такая, более чем осуществимая мечта: заниматься в будущем бытовыми плетениями.

Набор называется «Жизнь без потрясений». Пользуется, между прочим, большой популярностью у анжарцев.

Никто меня к скучной, предсказуемой жизни не принуждал. Просто мать со своими безумными, смелыми экспериментами уже довела отца до седых волос раньше положенного срока. Если я пойду по ее стопам, папа через год вообще облысеет. А кто виноват будет? Конечно, Эйви!

Дед при жизни говорил, что маму сгубила нетерпеливость.

«Суетливая она была. Вместо того, чтобы хорошенько разобраться в теории, сразу все бежала проверять на практике».

Мне очень крепко въелись в память эти слова. Правда, с дедом я была не согласна. И в маминой смерти винила кое-кого другого, хоть и старательно кивала старику, чтобы не расстраивать.

Как бы там ни было, со мной семейству повезло. С утра пораньше я закапывалась в научные труды моих предшественников. Исчеркивала блокнот нелепыми, но без сомнений гениальными идеями. Снимала магкопии с редчайших забытых фолиантов... Но желания поэкспериментировать и проверить теории в лаборатории так во мне ни разу и не возникло.

Нет, трусихой я не была, просто... Назовем это ответственностью. Вот случится со мной что, и кто останется с отцом? То-то же.

Жуткие молоточки, бьющие в виски так остро, что голова будто в прямом смысле раскалывалась на запчасти, к вечеру грозились меня доконать. Весь день вирре под хвост пошел, начиная с посадки в маг-вояжеры у академии!

Утро выдалось нервным. Студенты впихивались в транспорт всей толпой, не глядя забрасывая сумки на крыши вояжеров. Доктор Граймс строго грозил ампутацией мозгов всем, кто рискнет подойти к кабинетам и вляпаться в проклятье.

Дерганый ректор разве что волосы на себе не рвал (красивые, между прочим, и старательно им отращиваемые). Тут я его понимала: почерневшие от темной магии двери выглядели жутко, словно за ними гостей встречала сама бездна.

Словом, слишком много для одной меня, болезненно жаждущей спокойной, размеренной жизни без потрясений... А сегодня еще очередной день памяти, и глаза с ночи на мокром месте.

– Ты придешь вечером? – вспомнила, что хотела пригласить Диккинса к нам.

Ну вот что мы будем сидеть втроем, как голодные вирры на болоте? Экономке лишний рот только в радость. Мы с папой в такие дни все равно не едим.

– А это уместно, Эв? Твой отец...

– Шесть лет собирал толпу незнакомцев на официальной службе и слушал лживые речи про маму, – скривилась, припомнив холеные столичные лица, закрытые добродушными масками. Мерзавцы! – В кои-то веки соберемся узким кругом, без *этих*... Приходи.

В горле растеклась горечь – то ли от магрени, то ли от воспоминаний. Я притормозила Вейна жестом и свернула на дорожку, убегающую влево, к фруктовым палаткам. Мне срочно нужно было перебить отвратительный горько-сладкий привкус во рту.

Схватив с прилавка простачки Марисы первое попавшееся яблоко, я сунула ей йорген и принялась торопливо обтирать красный плод подолом юбки. Горечь становилась невыносимой и уже разъедала язык.

– Тебе надо чаще есть фрукты, Эйви. Ты бледная, как сама Тьма, – выдала сомнительное сравнение Мариса.

Я поблагодарила за заботу, резко развернулась... и размазала носом по твердой, недовольно дышащей поверхности. Приятно, кстати, пахнущей. Не Вейном и не по-местному.

У нас в Анжарской провинции простые работяги больше по части ядерного пота. А студенты в академии иной раз так заливают себя парфюмом, что дурно делается.

Я вообще не очень люблю посторонние запахи и никогда не пользуюсь духами (к вечеру сама себя начинаю раздражать). Но конкретно этот аромат... Пожалуй, я могла бы и полюбить. Было в нем что-то знакомое и родное. Даже го-

речь во рту на миг перестала чувствоваться, а это уже огого какой плюс.

– Опять вы?! – прозвучало хриплое над моей макушкой. Ой, какое недовольное! И тоже знакомое...

Величайшая несправедливость, что так приятно пахнет этот вот... *этот вот!*

– Проклятье! – убрав с его походного плаща свой блаженно принюхивающийся нос, я отпрянула к прилавку с фруктами.

Несколько альта-цитронов упало в траву, но Мариса и ухом не повела. Ошалело пялилась на хитанца, заранее ожидая неприятностей. У простых людей на это дело особый нюх.

Но маг (к радости торговки и к моему неудовольствию) вонзался своими пылающими желтыми топазами не в нее, а в меня. Обвинял! То ли в том, что опять ему на пути встретилась. То ли, напротив, в том, что из лавки сбежала, не дав ему насладиться сладостью триумфа. Варх разберет этих столичных снобов, что им на сей раз пришлось не по вкусу.

– Я уже ухожу, – на всякий случай заявила мужику и сдвинулась вбок.

Нет, у меня был, конечно, соблазн встать намертво, раскинув руки, и не подпустить его к прилавку. Но я вовремя напомнила себе, что эта месть будет выглядеть глупо и по-детски. Магрень усиливается, нервы мне дороги, а горечь во рту сама себя не прогонит.

– Ухóдите, – согласно кивнул хитанец, въедаясь глазами в мое яблоко. – Но без этого.

Я так засмотрелась на его небритые щеки и неприлично ровный загар, что не сразу уловила смысл слов. Завороженно поднесла фрукт к губам, невольно перемещая взгляд мага с яблока на свой рот.

Он послушно пристыл глазами к моему лицу. Шумно вдохнул, поморщился, словно от меня пахло куда хуже, чем от его драгоценной столичной персоны. Но я точно принимала душ после изматывающей поездки в вояжере. Если и пахла чем, то просто... собой.

Маг очертил глазами мои губы, припавшие к яблоку. Проморгался, зажмурился и резко схватил за запястье. Сжал неприятно, стягивая кожу, и дернул меня к себе.

– Ай!

– Стоять, – грозно зашипел на мою попытку вырваться.

Тьма! Наверное, он все же из тех, психованных, которые от прикосновений звереют. А я в него целым носом вмазалась, со всем к нему прилегающим...

– Больно! – вскрикнула, расширив глаза. Впитывая ими образ темноволосого хитанца. Нет, странный он все-таки. Красивый, но жуткий. И эти глазищи...

– Бросьте! – рявкнул требовательно и потряс мою несчастную руку, все еще сжимающую красное яблоко. Да чем мы с фруктом ему не угодили?

– Пустите... – просипела, выкручивая руку.

Рисковала без кожи остаться: так крепко держал. Эдак у меня на обоих запястьях отметины будут! На одном клякса чернильная, на другом – вархова пятерня в багровых тонах.

Опять отец будет глаза закатывать и ворчать, что из меня такая же женственная, благовоспитанная особа, как из него – Ее Величество. Но поскольку я понятия не имею, как выглядит это Величество, то не могу так сразу оценить, насколько папе туда далеко.

– Отдайте яблоко, девица из Аквелука! – незнакомец отпустил наконец мое измученное запястье и сунул под нос свою раскрытую пятерню.

Ну вообще!

Нет, мало того, что он третий или какой там по счету раз указывает мне на мое место... Мало того, что лишил меня радости подержать в руках трактат Милезингера... А до завтра книжку и продать могут!

Так еще и яблоко мое забрать хочет? Совсем они там в своей столице огхаррели... Я за него, между прочим, йорген заплатила и сдачи не дождалась. Дорогой вышел фрукт. И он мне нужен!

– Купите себе собственное и наслаждайтесь. По любую сторону, но подальше от меня... «мистер», – поморщила нос, отказываясь впускать в себя чудовищно приятный запах. Не хватало еще потом повсюду таскать с собой этого мужчину.

Демонстративно откусила от сочного красного бока. Чавкнула смачно, разжевала, не отрывая глаз от пылающих

огнем джантариков. Полный мрак, ей Варху!

Горечь во рту не пропала, а, напротив, усилилась. Но я не успела свыкнуться с новым ощущением. Потому как на горле сжалась каменная ладонь! Так сильно, что глаза из орбит выкатились.

Варх меня прибереи... Он точно психованный.

Я захрипела, подавилась, закашлялась. Маг грубо развернул меня к себе спиной и от души шлепнул между лопаток. Недожеванный кусок выскочил на траву, и только после этого хитанец изволил отпустить мой локоть.

– Вы ненормальный, – просипела, оборачиваясь и потирая горло. На котором, уверена, тоже теперь отпечаток руки виднелся.

– Не знал, что у анжарцев темная материя входит в рацион, – равнодушно бросил невоспитанный тип и отвернулся к Марисе.

Снова потерял ко мне интерес. Словно не он меня тут тряс и по спине поколачивал на виду у прохожих. Самодовольный квахар! Такого наша экономка даже в суп не возьмет, чтобы еду желчью не испортить.

– Сир, что-то не так? – предчувствуя неладное, промямлила торговка.

– На фруктах остаточные следы разрыва. Почти все запятнаны мраком, – лицо его сделалось жестким, требовательным. – Как вы планируете это объяснить, мм?

Он достал из кармана черно-золотую карточку и быстро

помахал перед ее носом. Не представляю, как Мариса успела что-то на ней прочесть, но остатки краски резко пропали с ее лица.

– М-мраком? Да как вы это видите? – всплеснула руками простачка.

– Я проникательный, – растекся в жуткой ухмылке хитанец, и даже мне стало не по себе.

Я покосилась на фрукт, все еще зажатый в пальцах... и ошеломленно выронила его на траву. Плохое, плохое яблочко! Если этот квахар неошипанный не шутил, расстройство живота и магрезерва – меньшее, что мне грозило.

Но прилива благодарности не случилось: горло еще саднило, лопатки горели после спасительного шлепка. Не мог он повежливее как-то донести информацию?

– Поставщик сказал, что чистые они, – Мариса виновато повела плечом. – Разрыв дальше был, у другого склада... Мы давно работаем, с чего бы не доверять? Да и как проверить?

– Понятно. И других травите, и сами травитесь, – нахмурился хитанец, проводя ладонью над прилавком. Пальцы его окутывала едва заметная фиолетовая дымка, потрескивающая слабыми разрядами. – Внезапные мигрени, темные пятна в глазах? Обмороки?

– Голова болит третьи сутки, – покорно призналась торговка.

– Тут все загрязнено, – выдал вердикт обладатель черно-золотой визитки. – Уничтожьте. Лучше сожгите.

– Все?! – женщина задохнулась ужасом, вышла из-за прилавка и загородила его собой. – Но сир, я не могу позволить себе сжечь весь товар!

– А травить прохожих, видимо, можете? – с издевкой протянул маг, обходя неказистую фруктовую палатку.

– Разве вы не можете их как-то... очистить, сир? – у нее тряслись пальцы.

У простаков было не так много возможностей зарабатывать в Эррене. И я, хоть сама чуть не отравилась, все равно сочувствовала Марисе. Вряд ли она имела свободные средства на новый товар.

– Я? – поперхнулся маг и демонстративно поправил отворот плаща.

Только сейчас заметила на нем знакомую эмблему. Вот точно такую же видела в кабинете у нашего ректора в рамочке рядом с портретом миловидной белокурой леди. Понятия не имела, кто такая и зачем Керроу ее у себя на стене держал.

– Такие, как вы, все могут, – с благоговением в голосе прошептала Мариса. – Куда уж нам, простакам... Разве много это времени займет, сир? Эта палатка – все, что у меня есть.

– Мое время дорого. И даже несколько минут я предпочту потратить иначе, – фыркнул, брезгливо косясь на зараженные фрукты. – Дайте слово, что все уничтожите, и мы разойдемся. И скажите спасибо, что я не вызвал сюда маг-инспекцию.

– Маг-инспекцию? Она ничего не нарушала! – вспыхнула

я сердито. – Сказала же, что не могла проверить...

– И потому продавала непроверенное?

– Я полжизни у нее фрукты покупаю, – заверила мужика. – Всегда вкусные, спелые и без мрака.

– Мне решать, нарушала или не нарушала, – он поморщился неприязненно, едва я сделала шаг к нему.

Отмахнулся, словно я жужжала над ним назойливой анжарской мухой, от которой один шум и никакого проку.

– Но сир! – Мариса вдруг упала на колени и схватила подол его плаща. Просительно скривилась, вымаливая милость.

Грудь запекло. Неприятно было смотреть на чужое унижение и быть бессильным чем-то помочь. Но этот маг... О да, он мог. Размер его магрезерва был явно соизмерим с размером эго.

– Уничтожьте, – сухо бросил хитанец, плотнее запахнул плащ и, развернувшись, стремительно пошел по дорожке к выходу из парка.

Этого я так оставить не могла. Пнув гадкое яблочко, потемневшее в месте укуса, я решительно побежала следом.

Сама не знала, с какой целью догоняю незнакомца. Вряд ли он ко мне прислушается и вернется помогать Марисе. Но хоть выплесну все, что думаю о таких, как он. Я много их повидала, пока мы жили в столице. Да и после, на вечерах маминой памяти.

– И это все, да? Перепугали до смерти невинную жен-

щину, лишили ее дохода, бросили простачку одну разбираться с мраком... – выкрикивала ему вслед, разъезжаясь ногами на влажной дорожке.

– Дохода ее лишила собственная глупость, – бросил через плечо. – Я не обязан исправлять чужие ошибки.

– Но вы могли помочь! Потратить полчаса вашей никчемной скучной жизни и помочь! – орала в его спину, кривясь от отвращения. В виски все сильнее колотилось привычное «Бам! Бам!», но я пыталась игнорировать боль.

Вот зачем я за ним бегу и только сильнее себя расстраиваю? Такие, как он, никогда не останавливаются. Никогда не сочувствуют чужому горю. Равнодушные, эгоистичные, холодные, как глыбы ташерского льда...

– Мог, – пожал плечом, даже не пытаясь изображать хорошего, но просто очень занятого человека.

– Так сильно спешите, что ли?

– Нет. Не спешу. У меня рейс в пять по Звездноводу, – буркнула спина. Хотя маг и впрямь развил приличную скорость, уносясь подальше от назойливой мухи. Той, что я. – Я здесь проездом и по другому вопросу. Это чужие проблемы, которые меня не касаются.

– Но вы их сами коснулись! Могли вовсе не лезть и дать мне сгрызть вархово яблоко! – возмущенно пыхтела, едва поспевая за стремительно удаляющимся магом.

– Мог, – снова признала спина, не считая нужным обернуться. – Но одно дело потратить пару секунд и не дать до-

ставучей девице отравить себе жизнь, и другое – полчаса оттирать вязкую Тьму от альта-цитронов...

– А... ясно. Скучная работа, без огонька, – прибавила ходу. – Мне знакома ваша порода.

– Ваша мне тоже знакома, мисс, – с тяжелым выдохом затормозил хитанец, и я с разбегу вмазалась в его спину. Впитала гхарров аромат. Гадство! Ну все, теперь полдня буду с собой таскать. – Не путайтесь под ногами, пока случайно не раздавил. Не шучу.

– Знаю, что не шутите. И да, вы раздавите, – закивала ожесточенно, неистово, вновь вспомнив стадо высокомерных гадов, ежегодно читавших речи на дне памяти. – Я видела достаточно таких, как вы, пока жила в столице.

Кучка равнодушных снобов! Они говорили о моей погибшей матери «выдающаяся личность» и «светило экспериментальной магии». После чего шли пить настойку Эшерских dwarфов и обсуждать последние достижения ученых.

А сами, когда нужно было закупить новое оборудование для лаборатории в Хитане, не дали ей ни йоргена. Заморозили все заявки, проигнорировали все письма. А старое – оно на то и старое, что никуда не годное. Вот и взорвалось.

– И какие же *мы*? – с опасной ухмылкой уточнил хитанец. Решил, будто он саблезубый вирр, играющий с крошкой-россохой. Но не на ту напал!

Я шестой час мучилась магренью, и у меня была индивидуальная непереносимость таких вот выскочек из столицы.

Едва ли в парке сейчас найдется кто-то злее и раздраженнее меня. Раз в сто лет и мелкая безобидная росоха может закусать вирра до полусмерти. Если у нее был плохой день.

– Надменные, эгоистичные снобы, «мистер». Те, которым дела нет до чужой беды. Сильные маги, совершающие подвиги по расписанию, исключительно в удобные для них часы, – с ажиотажем выплевывала лестные характеристики одну за другой. – Не дорожащие ни своей, ни чужой жизнью ни на йорген. Скучающие от собственного несомненного величия. Ждущие, когда мир, наконец, придумает для них достойное развлечение...

– Звучит отвратительно, – поморщился тип, и его скулы неприязненно дернулись.

– Вот именно! – закивала довольно.

Наконец-то у нас с ним случилось взаимопонимание! Мужик, впрочем, ему не так уж и обрадовался.

– Может, мне тоже на колени перед вами упасть и подол вот этой штуки – что это вообще? мантия? – облобызать? – предложила насмешливо.

– Только если вам очень хочется.

Маг колыхнул походным плащом, заляпанным какой-то болотной тиной, предлагая немедленно приступить к лобызанию.

Внутри взметнулось столько желчи, что рой плотоядный саранчи отравить можно. Но я бы ей лучше этого квахара скормила, он посытнее будет. Хотя тоже наверняка горчит,

несмотря на одуряющий аромат.

– Да что вы о себе возомнили? Царь и бог книжного отдела? Гроза торгашей испорченными продуктами? Сильнейший всея и всего? – я уперла руки в бока и уставилась в желтые глаза. Ну и жуть. Такими только детей в сказках пугать! Полный мрак. – Да знаете, кто вы на самом деле?

– Кто?

Да он провоцировал меня! А я велась, как первокурсница. Невозможно остановиться.

– Прыщ на линияющей заднице винторогого гхарра, вот кто!

– Хмм... Прыщ, значит? – он приблизился и навис над моим пылающим лицом.

– Прыщ, да, – выдохнула упрямо и сдула черную прядку, упавшую на нос.

Ох, Эйви, с самой Тьмой играешь. Как неоперившийся квахарчонок, ей Варху. Сколько раз отец тебе говорил держать язык за зубами в присутствии «сильных мира сего»?

– И не где-нибудь, а именно на линияющей... кхм...

– Линяющей, линияющей, – покивала равнодушному мерзавцу.

Золотые глаза ярко вспыхнули, осыпав меня тысячей крошечных искр, и отчего-то весь мой запал поугас. Я не трусливая, нет. Но рациональная. Обычно. Не вижу смысла рисковать почему зря. Но конкретно этот экземпляр сам напрашивался!

Должен же хоть кто-то сбить спесь со столичного зазнайки? И на пальцах объяснить, что в нашем простом, как гхарово копыто, Аквелуке так не принято?

У нас небольшой уютный городок, окруженный пастбищами, садами и фермерскими угодьями, где все знакомы и готовы помочь друг другу. А не привычные ему столичные залы, в которых принято изливать яд, льстить до изжоги и хвастаться юбками из трисольского шелка.

– Вы даже не догадываетесь, *кого* сейчас осыпали оскорблениями и *чем* он может на них ответить. Не слишком ли смело для разумного существа со здоровыми инстинктами самосохранения? – вкрадчиво промурлыкал жуткий тип, и сердце обреченно свалилось к пяткам. – Или у вас их нет?

Чутье горькими толчками пробивалось к горлу. Все, Эв Ламберт, ты допрыгалась, добегалась и доболталась. А ведь и впрямь понятия не имеешь, насколько этот маг психованный и какую твою часть тела сожмет следующей.

Я незаметно выдохнула и покусала губу, чем нечаянно привлекла к своему лицу лишнее внимание. Тяжелый взгляд снова упал на мой онемевший рот. В который раз хитанец смотрел на него *так*, что ноги подгибались и сердце в живот проваливалось.

Это же просто рот, ничем не выдающийся! Им едят, пьют и временами говорят гадости всяким столичным снобам. Заслужившим, между прочим.

– Есть инстинкты, – признала, мысленно поглаживая уязв-

ленную гордость. Не трусливая. Рациональная. Нельзя подставлять отца: он все, что у меня осталось.

Надо думать о хорошем. Впереди неделя каникул, в лавке дожидается трактат Милезингера. Нет смысла рисковать из-за лощеного квахара, с которым мы больше никогда не увидимся.

Совсем никогда! И это радовало до колючих мурашек. А два столкновения подряд – просто совпадение. Нелепое и неприятное.

– Хорошо, девица из Аквелука, – мужик почесал небритый подбородок. – Тогда жду извинений за нелестное сравнение, и мы расходимся в разные стороны.

– Какое? – я поморгала, перебирая в больной голове все, что он мог посчитать нелестным.

– *То самое.*

Золотой взгляд снова требовательно ковырнул по моим губам, и я поняла, что пора раскланиваться. Прямо срочно.

– Ах, это... Нет, сир, – выдохнула, проклиная себя всеми нехорошими словами, какие знала. – Это как раз было лестным.

Развернулась и побежала прочь. Отчаянно надеясь, что мужик не станет меня догонять и пытаться еще за что-нибудь схватить. У него не так много неиспользованных вариантов осталось, и это прилично нервировало. Так что ногами я перебирала шустро.

– Вы что, знакомы? – перепугал до полусмерти Вейн, бес-

совестно вынырнув из-за поворота.

Он смешно морщил лоб, в медовых глазах тлели искорки ревности. Я пихнула парня в бок и уложила больную голову ему на плечо. Глупый.

– Эв! – нахохлился приятель. – А ну, отвечай! О чем вы там столько времени трещали с самим...

– Пфф! – выдохнула через прикушенную губу и приподняла бровь. Он серьезно, да? Еще и обиделся. – Понятия не имею, кто это, Диккинс. А самомнения столько, будто он лучший друг Ее Величества и может тут всех положить одним щелчком пальцев. И ему за это ничего не будет. Ни-че-го-шень-ки!

– Вообще-то, Ламберт, он как раз...

– Проклятье! – ойкнула, наступив каблуком на шишку.

Нога подогнулась и поехала в сторону, чуть не усадив меня пятой точкой в лужу. Сегодня точно не мой день!

Всю оставшуюся дорогу до небольшого фонтанчика в центре парка я возмущенно фыркала и сопела. Заносчивый желтоглазый упырь не выходил из головы. Так свысока смотрел, что хотелось подпрыгнуть и больно щелкнуть его по гордому носу. Если бы дотянулась, конечно.

И чем он так меня зацепил? Наверное, это из-за магрени и дня памяти все так остро воспринималось.

Понятно же, что хитанец просто развлекался. Провоцировал, тыкал в больное и ждал, что будет. Разбавлял аквелукскую скуку, которая со всеми столичными снобами в пер-

вый день приезда случается. Обычное дело.

«Девушка из Аквелука». Обидно, кстати! Мы с папой сознательно выбрали спокойную, размеренную жизнь в Анжарской провинции. Подальше от Хитаны, пропахшей дразнящими запахами открытий и сильной магией.

Знакомиться с заумными трудами ученых я могу и здесь. Многие книги в лавке госпожи Фэрвей дублируют те, что хранятся на особых полках в столичной Королевской библиотеке.

– И вот что все перед ним так расстилаются? Смотреть противно, – заведенно шептала я, прячась в плаще Диккинса. – До чего неприятный человек! И слова цедит, будто говорить со мной – ниже его расфуфыренного достоинства.

– Привык, наверное, в этом своем...

– Вот из-за тех, кто на колени падает, сильные маги и думают, что им дозволено все... Вообще все, Вейн! – поглядела на парня, чтобы убедиться, что он меня внимательно слушает, а не просто орехами хрустит. Иначе для кого я тут распинаюсь? – Берут, что хотят, и не думают об оплате! Гадости говорят, не волнуясь, что могут кого-то обидеть и сна лишить.

– Не заводись, а то магрень усилится, – разумно остерег друг, но меня не проняло.

Все внутри ходуном ходило от возмущения. Казалось, вся мировая несправедливость сконцентрировалась в ухоженном типе с золотыми глазами. Словно он нес ее в себе и за-

ражал своим равнодушием других.

– Может, я чего-то не понимаю? – продолжала сопеть негодуяще.

– Ты просто не читаешь газет, – хмыкнул Вейн.

– Я читаю книги. И научные статьи в журналах. Мне хватает. А знать, какие нынче юбки носит Ее Величество, мне, Диккинс, совсем не интересно, – пробурчала с неприязнью. Не к Вейну, к варховым юбкам.

Отец вечно ворчит, что мне бы вместо того, чтобы ночами ковыряться в бытовых плетениях, чем-то женским увлечься. Шарф ему там связать, цветы в клумбу у дома высадить или картинки из журналов повырезать да на стенку наклеить. Забывает, что мне не двенадцать. В единорогов я давно не верю, а на новые юбки Ее Величества у меня стойкая аллергия.

– А вот если бы хоть изредка заглядывала в «Либтоунский Вестник», знала бы, что *этому* и впрямь все дозволено. Пошли, крикетка, подальше, – Вейн ухватил меня за талию и увлек вперед по дорожке. – Мне от темных мастеров всегда не по себе. Ставлю сто йорнгенов на то, что у него аура чернее, чем адова бездна.

Мы добрались до большого круглого фонтана. Веселые струйки в нем сегодня не били вверх, медные краны тоскливо высывались из стоячей воды. На зеркальной глади качалась желтая листва, намекая, что осень действительно пришла в Анжарскую провинцию и пора утепляться.

Я отлепилась от горячего бока Диккинса и выпуталась из

его плаща. Огляделась, вдохнула полной грудью. Я любила эту пору, когда клены-зубцы только начинают алеть. Когда плакучие гавы прощально шуршат облетающей листвой, а вековые туры гулко гудят скрипучими стволами. В такое время и дышалось как-то легко, по-особенному.

Но не сегодня. Воздух едва не застрял в горле, процарапал себе дорожку до легких и взорвался в груди острой болью.

– Что с тобой, Ламберт? – всполошился Вейн, таращась на меня во все глаза. А они у него красивые, я раньше не замечала.

– Не знаю, мне... плохо, – попыталась сформулировать шепотом.

Ощущения описанию не поддавались. Жилы по всему телу натянулись, взвыли, готовые лопнуть. И так необъяснимо страшно вдруг стало... Будто внутрь влезло что-то мрачное, несущее затхлый аромат безнадежности.

– Эйви... Эв!

Отмахнувшись от парня, я задрала рукав платья до локтя. Боль растекалась по телу именно отсюда, от моей «чернильной кляксы». Да только какие уж там чернила. От запястья по всей руке ползли серые венки, стремительно наливаясь черным. И это было больно... Ой, как же больно!

Я так сильно расширила глаза, что чуть сосуды не полопались. Вцепилась ногтями в руку сморщившегося Диккинса, простонала тихонько. Попыталась рассказать, как мне страшно, но горло сжималось, не давая издать нормальный звук.

Парень выглядел перепуганным, и это вообще никак не успокаивало. Ему бы заверить меня, что все будет хорошо и прямо сейчас к нам примчится лекарь... Но Вейн в священном ужасе косился на мою шею. Похоже, дело было совсем плохо: Диккинс не из трусливых.

– Сейчас, вот так, – он перехватил меня за талию, помогая аккуратно завалиться на холодную траву. – Ложись.

Меня как-то незаметно обступила толпа. Откуда здесь столько народу? Еще секунду назад все шли по своим делам, а теперь стянулись к фонтану, будто магическим магнитом.

– Бедная девочка... – нервно шептала какая-то тетка.

– Проклятье, может? – причитала другая.

– Да какое проклятье? Сама Тьма!

– Не говори чепуху, откуда в девице тьма...

– А вот ее спроси. Всякие нынче девицы бывают...

– Помогите ей! Кто-нибудь! – прикрикнул Вейн, придерживая меня за затылок.

Дышалось трудно, на ребра словно откормленный гхарр всем своим весом уселся и временами пританцовывал. Было настолько больно, что я разом забыла и про магрень, и про хватание хитанца.

Собравшись с духом, медленно перевернулась на бок и подтянула руку к лицу. Ошарашенно проследила путь настырной черной змейки, стремящейся к локтевому сгибу.

Имира Сиятельная! А ведь это и правда похоже, как Тьма карает. Рисса показывала мне жуткие картинки из своей

«Энциклопедии доварховых времен». Вот точно такие же черные ручейки, только нарисованные.

Но я же не делала ничего дурного? Да я самый безобидный теоретик на факультете: ни одного разрушительного эксперимента за три года! За что меня наказывать?

Лекарь не спешил, да и откуда ему взяться посреди Аквелукского парка? Толпа, судя по шепоту, уже провожала меня в последний путь. То ли в темную бездну, то ли к Варху на золотое облако. Прохожие так и не определились, невинная жертва я или «сама заслужила, раз Тьма лично явилась по ее черную душу».

Хотелось расплакаться совершенно по-детски и с обидой заявить, что ничего такого я не заслужила. Меня вообще трактат Милезингера в книжной лавке ждет, мне с него завтра еще копии делать сканирующим артефактом... И мамин день памяти... И Бал Варховых даров в академии...

С горьким стоном я безвольно уронила почерневшую руку обратно на траву. Уперлась взглядом в скопище равнодушных ног. В сапогах, в туфлях, в ботинках с начищенными носами... Они переминались, притопывали, но уходить не собирались. Ждали финала, словно им тут бесплатное шоу устроили.

За частоколом чужих ног продолжался парк. Мои глаза ощупывали размытый пейзаж, выискивая помощи и ответов. Почему? За что? Перелетали с рыжих кленовых листьев на припыленную дорогу, по которой лениво катились вояжеры,

не замечая беды.

Взгляд потерял фокус, потом нашел, уперся во фруктовую палатку и полыхающий перед ней контейнер. Мариса приняла угрозу противного мужика всерьез и все сожгла.

Перед тем, как веки окончательно закрылись, взгляд перелетел через весь парк и на том конце уткнулся в страшные желтые глаза. Проклятье! Вархов хитанец – последний мужчина, которым мне хотелось бы любоваться перед смертью.

Глава 3

Даннтиэль

Остановка в пахучем городишке случилась вынужденно. Частное воздушное судно, что должно было доставить Данна в академию, вдруг сделало резкий разворот. Высадило брезгливо морщащегося Рэдхэйвена на окраине Аквелука, не побоявшись гнева мастера проклятий.

Это могло означать только одно: дела короны. Они, как ни хотелось спорить, в Эррене считались более важными, чем его личные.

И теперь Даннтиэль, умудрившийся уже где-то измазать служебный плащ, бросал тоскливые взгляды на Звездносвод. Нет смысла продвигаться к воздушной гавани раньше, чем подойдет время общественного рейса. В маленьких городках крохотные залы ожидания лишены комфорта, зато изобилуют запахами рабочих и простаков.

Потому он уже час перемещался по парку со скучающим видом, не представляя, чем можно себя развлечь в деревне. Местные – за исключением одной доставучей особы с зелеными глазами и пухлой, крайне завлекательной нижней губой – его совсем не забавляли.

Ему было неинтересно разбираться с партией зараженных фруктов, купленных по дешевке одной скрягой у другого алчного торгоша. К чему тратить время, если это ничего не

изменит? Завтра все повторится. Скрыга и алчный торгош встретятся вновь и заключат очередную сделку.

Грязь деревенских Данна больше раздражала, чем порождала любопытство. Местные нравы вызывали тошноту и желание помыться. После Хитаны здесь все казалось слишком... слишком. Во всех варховых смыслах.

Он довольно хорошо знал простых людей. Успел изучить за годы работы на высоком посту. Маска высокомерной, эгоистичной, ко всему равнодушной сволочи, которую он ежедневно старательно приклеивал за завтраком, избавляла от ненужных контактов. Благо, слабые маги, учуяв черную ауру и завидев блеск в глазах, и сами не искали с ним дружбы. Что-то в нем отпугивало других, и это его устраивало.

И все-таки девица умудрилась царапнуть по самолюбию, которое в приличном объеме имелось в закромах даннти-элевой души. Как легко она его прочла! Несколько фраз, а сколько яда. Тем обиднее, что вполне справедливого.

Вспомнив о задиристой девчонке, наивно пытавшейся заставить его отмывать чужие фрукты, Данн принялся разыскивать глазами хрупкую фигурку в не то зеленом, не то голубом платье. Методично очерчивал взглядом дорожки, скользил по неправдоподобно зеленой траве...

Сам не знал, зачем занимается этой чепухой. Неужто соскучился по острому язычку? В Хитане мало кто осмеливался ему дерзить. Да и в любой другой провинции Эррена люди, как правило, читали газеты и узнавали его по одной толь-

ко эмблеме не плаще. Словом, непривычное ощущение.

Что-то манило его взгляд в сторону фонтана. Там галдела толпа, но не это привлекло внимание. Все тело подобралось: мастер защиты от проклятий вдруг ощутил знакомый сладковатый аромат. Дыхание темной стороны.

И хоть для Данна не было ничего привычнее этого запаха, он все равно неприязненно передернул плечами. Нечего делать Тьме посреди жизнерадостного, раскрашенного в осенние тона Аквелукского парка!

Толпа расступилась, и он с разгона врезался в зеленый взгляд. Нашлась его мелкая зараза.

Лежавшая на траве девица неприязненно скривилась и спешно зажмурилась. Узнала. Тем проще: он тоже позволил себе отвернуться и зашагать в другую сторону. Ей помогут. Или нет. Не его, Варх дери, заботы.

То, что ему скучно, еще не значит, что он начнет с энтузиазмом разгребать проблемы всех местных. В толпе полно взрослых магов с полным резервом, он бегло считал их ауры издали. Кто-нибудь вызовет целителя или довезет девчонку в лечебницу, если дело совсем плохо.

Данн плотнее запахнул перепачканный плащ, поднял воротник, защищая себя от пронизывающего ветра, и пошел к дороге. Остановит первый вояжер и поедет в местную гавань, подальше от чужих проблем. Не так и кошмарно в тех залах ожидания.

Это все не его варховы проблемы. Фрукты, лавка, девчон-

ка... Наверное, отравилась одним из тех яблок. Или нет. Не его дело.

В городе есть местное подразделение маггвардии, вечером он направит им записку с наводкой, пускай сами разбираются с неблагонадежным поставщиком. И лечебница тоже есть, как он слышал, вполне пристойная.

Данн великодушно разрешил себе идти дальше. И сам же себя не послушался.

Что-то во взгляде заносчивой девчонки не отпускало. Она давно закрыла глаза, толпа плотно сомкнулась над ней, но это не мешало Рэдхэйвену помнить. Взгляд, исполненный безумной, бесконечной боли, вьелся в него, просочился под кожу. Он видел такие раньше.

Маг остановился, обернулся и напряженно вцепился глазами в толпу. Данн что-то упускал. Непохоже это на отравление омраченным яблоком.

Тонкая бледная рука просунулась между чужих ног и безвольно упала на зеленую траву. От хрупкого запястья тянулись темные вены, он умудрился разглядеть их даже со своего конца парка. Вся ее кожа до локтя подернулась серой паутинкой. Такое он тоже раньше видел.

К гхаррам! Час до рейса у него есть, и если девице еще можно помочь...

Толпа расступилась сама, едва Данн потревожил темной аурой личное пространство крайних. Ему даже кашлять, в отличие от девицы, не пришлось. Инстинкты самосохране-

ния не дремали и отбросили публику на несколько метров в стороны.

Впрочем, любопытство – совершенно глупая черта! – отчаянно с полезными инстинктами боролось. Так что совсем расходиться никто не спешил.

Пихнув в бок нервного белобрысого паренька, усердно трясащего девчонку, как какую-нибудь тряпичную куклу, Данн склонился над умирающей. Ведь именно таковой она и была. Теперь, вблизи, он видел это ясно.

– Вы целитель? – недоверчиво протянула бабка, стоявшая ближе всех. То ли уже плохо чувствовала ауру, то ли решила, что на своем веку боялась достаточно.

– Скорее, наоборот, – усмехнулся непрошенной черной мысли Даннтиэль.

Странные магические хвори его увлекали, но не более того. Было нечто волнительное в том, чтобы смотреть, как хрупкая жизнь по невнятным причинам вытекает сквозь пальцы. И торжественное, величественное, гордое – в том, чтобы нащупать верную нить, дернуть умело и вернуть эту утекающую жизнь на место.

Пожалуй, в эти моменты Данн ощущал себя кем-то вроде Варха Всемогущего. Но если не получалось, сильно не расстраивался. Не страшно: потешит самолюбие в другой раз. Эгоистично, но он с собой давно примирился.

Черная венка угрожающе пульсировала на девчачьей шее, удобно лежавшей в его ладони. Тьма уже и сюда добралась,

распробовала сладкую невинность... Шустрая, плутовка.

Прорвав завесу, Тьма охватила девицу целиком, наполнила сладостным ядом, как трепетный хрустальный сосуд. Несколько минут – и приговор будет приведен в исполнение.

Демоны мрака! Данн тут ничем не поможет. Все кончено, хоть со стороны пока незаметно. И потому белобрысый еще заламывает руки в глупой надежде.

Почему это произошло? Куда делся крепкий барьер, призванный стоять на защите святая святых – человеческой души? Отчего так ослаб, что дал трещину? Много, много вопросов... Чужих, не его. Маггвардия во всем разберется.

Неприятная мысль скрутила живот: скорее всего, защитный барьер треснул неспроста. Такое редко, но случалось – из-за наследственных хворей и слишком смелых магических экспериментов. И был еще один вариант, самый гадкий...

– Эй, сир, вы куда?! – вскрикнул парень, едва Рэдхэйвен начал подниматься с колен.

Данн на него не смотрел – как примагниченный, пялился на пухлую, добела закушенную губу. Зачем-то бросил скупое «Прости» и опустил невесомую голову на траву. Попытался встать, да только чуть рядом с девицей не завалился, измазав остатки одежды в местной грязи.

– Что за?.. – дернул ногой, не желавшей распрямляться. Что-то его не отпускало.

Данн распахнул плащ, покрутился, пытаюсь понять, за что зацепился брюками. И обнаружил на ткани целых пять на-

мертво сжатых тонких пальцев. Тьма ее раздери! Девчонка держала крепко, моля об одной единственной попытке.

Черные пушистые ресницы дрогнули. Из-под приоткрывшихся век появились бледно-зеленые глаза, исполненные таковой муки, что холодом пробрало.

Нет, она не просила. Не жаловалась. Просто смотрела с ужасом, не понимая, что с ней творится. Не осознавая еще, что умирает.

Захотелось вдруг соврать малодушно. Обнадежить, что завтра утром доставучая зараза проснется в собственной постели. Что сможет снова наслаждаться рукоделием, журналами, пением птиц... Или чем там девицам в этом возрасте наслаждаться положено?

– Хорошо, – ответил Данн скорее себе, чем девчонке. – Я попробую.

Шикнул злобно, и любопытствующую толпу отбросило еще на пару метров. Ему нужен воздух и пространство.

Посмотрел на девчонку строго, безмолвно упрекая в том, что она втягивает его в Варх знает что. Она тут же захлопнула веки, избегая укора. Обмякла, удрав в спасительный обморок, оставив его наедине с проблемой. Зараза.

Данн пробежался пальцами по вороту платья, слишком легкого для промозглой погоды. Бессердечно вырвал с мясом несколько пуговиц, освобождая задыхающееся горло. Вернул правую ладонь на горячий затылок, левую разместил между ключиц. Вот так, кожа к коже. Он знал, что делать, но

от этого было не легче.

Даннтиэль звал, и Тьма откликнулась. Сначала неохотно, а потом с жадным, алчущим энтузиазмом: она давно ждала этой встречи. Станный, никому не слышный диалог...

Черные вены, опутавшие девчачьи руки до самых плеч, пульсировали, шевелились. Скользкими змейками тянули хвосты к бледной шее. К точкам, которых касались пальцы мастера. Сворачивались в клубки и концентрировались смертельным сгустком в ложбинке между ключиц.

Во что он ввязывается? Во что он, Тьма его побери, ввязывается?!

К гхаррам... Или сейчас, или уже никогда. Совсем никогда. Данн резко выдохнул и впился в нежную шею губами.

Едва он коснулся тонкой кожи, девчонка вынырнула из обморока. Вскрикнула, всплакнула судорожно и вся затряслась.

– Отпусти! – прорычал Данн настойчиво, предвкушая поток боли, который вот-вот заструится по его венам.

Как он позволил себя в это втянуть? Уже ведь не так молод, как в академические годы, чтобы участвовать в сомнительных экспериментах.

Но отступить было поздно. Темная сладко-горькая мерзость послушно вытекала из юного тела и впитывалась ему под кожу. Почти сразу же она растворялась, пропадала, оставляя после себя лишь тоскливую боль.

Данн осел на траву и прикрыл глаза, надеясь избавиться

от мельтешающих перед ними черных точек. Лишнее напоминание, что ему давно не двадцать.

Аквелукская девица снова лежала без сознания. На бледные щеки возвращался румянец, ресницы остановили суетную дрожь. Можно было поверить, что беда миновала. Но Даннтиэль слишком хорошо знал Тьму.

Так просто от лакомой добычи она не откажется, а защитный барьер разорван в клочья. На восстановление магических связей уйдет не меньше недели. Сколько раз за эти дни грязь изнанки сумеет пробраться внутрь?

– Ты был с ней до приступа? – не вставая с травы, наклонил к себе патлатого белобрысого паренька. – Какой уровень силы?

– Я только учусь...

Данн распрямылся, покосился на Звездносвод, поморщился. Вархова бездна! Полчаса до отправления!

Даже королевского мастера проклятий воздушное судно ждать не будет. Хотя бы потому, что он сейчас не на службе. И вопрос, что ведет его в Анжар, куда более личный и серьезный, чем обычные поручения Ее Величества.

Рэдхэйвен пригляделся к ауре, окутывающей мальчишку. Неплохо одарен и резерв до краев наполнен, но... Мда, слишком юн и беззаботен, чтобы знать те чары, которые его интересуют.

– Тормози первый вояжер, какой увидишь, – подтолкнул парня к пыльной дороге, а сам подхватил девчонку на ру-

ки. Удивительно: создание со столь тяжелым, изматывающим нравом почти ничего не весило.

Толпа начала рассасываться. Если кто и хотел задать вопрос о здоровье девицы, то не решался, наталкиваясь на жуткий взгляд. После тесного общения с Тьмой Рэдхэйвен был не в настроении вести светские беседы. Их взаимные счета тянули на очень, очень длинный список.

Через пару минут парню удалось поймать приличный транспорт, и Данн погрузил омраченную девицу внутрь.

– Ты едешь с ней, – схватил мальчишку за отворот плаща и цепко посмотрел в глаза, убеждаясь, что каждое его слово попадает в цель. – Вези ее домой.

– Может, в лечебницу лучше? У нас отличные целители, не хуже столичных...

– Домой, не сворачивая, – хрипло бросил Данн, разыскивая в горле свой обычный голос.

Не стал тратить время на объяснения. Аквелукским лекарям девицу не спасти. Велика вероятность, что во всем Эррене только один маг способен справиться со столь необычной хворью.

– Вели переодеть в другую одежду. Уложить в постель и плотно зашторить окна, – сыпал инструкциями королевский мастер, явно не за этим всем сорвавшийся со службы перед самым Балом Варховых даров. – Все, что было на ней – сжечь.

– А потом? – белобрысый неуверенно переминался с ноги

на ногу.

– И предупреди, что я приду к вечеру, – нехотя добавил Рэдхэйвен.

Видно, подошло время для подвига по расписанию. Жаль только, час подвернулся катастрофически неудобный.

Воздушные суда ходят в Анжар каждый день. И Данн еще мог потешить себя надеждой, что завтра утром все-таки попадет на рейс и прилетит в срок... Но только если родственники болтливой девицы из Аквелука откажутся от его услуг. В противном случае он застрянет в этой пахучей деревне на неделю. Проклятье!

А ведь он еще успевает на сегодняшний рейс. Не поздно оставить все, как есть. Бросить вархову зеленоглазую заразу в лечебнице. Он ведь оказал первую помощь, а дальше... Разве это его проблема? Разве не ждут его крайне важные дела в Анжаре – тоже, к слову, вопрос жизни и смерти?

Но нет, проходить мимо надо было раньше. Намного раньше, еще у фруктовой лавки, а лучше – в книжной... До того, как девчонка задела за живое, ковырнув до мяса, царапнув по кости. Как расшевелила совесть, сдобрив ее изрядной порцией честной злости.

– А она не того... к вечеру? – проямлил, судя по всему, ее ухажер.

– До полуночи должна дотянуть, – проворчал Данн.

Он ведь давно примирился со своей натурой, его все устраивало. Так какого Варха он ввязывается в чужую беду,

в которую его не звали?

– А как вы найдете?..

– Не беспокойся. Тьму я всегда найду.

Данн пропустил парня и захлопнул дверцу вояжера, прикидывая, сколько писем ему нужно отправить. На самом деле, он давно понял, что ни в какой Анжар не едет.

Сразу, как увидел исполненный боли и страха зеленый взгляд. Как ощутил пальцы, крепко сомкнувшиеся на его одежде. Даже если родственники окажутся глупцами и откажутся от его услуг, он найдет способ их переубедить.

Глава 4

Даннтиэль

Дом был мрачен и тосклив. Мудрыми старыми стенами он чувствовал беду, свалившуюся на бедное семейство.

Внутри было пыльно и ветхо. Пахло книгами, памятными альбомами, вызволенными с чердаков, и сентиментальными безделушками, что обычно хранят в закрытых картонных коробках.

Навстречу Данну вышел старик, который при ближайшем рассмотрении оказался куда моложе предполагаемого возраста. Скорее отец, чем дед. А морщины на лбу углубились только сегодня, и причина тому была известна.

– Кто вы? – поприветствовал гостя сухим кивком хозяин дома.

Мыслями он явно находился не здесь, а с девицей, лежавшей на верхнем этаже. Данн отсюда мог определить дверь, за которой ждала зараза. Так же, как без труда нашел *этот* дом, наполненный тоскливым мраком.

Тьма имела совершенно специфический аромат и вкус. Он его всегда узнавал, такой дразняще терпкий, сладковато-приторный, знакомый. Рэдхэйвен с ним давно сроднился по долгу службы.

Данн слишком измотался сегодня, чтобы церемониться со стариком. Он с прошлой ночи на ногах и давно был не прочь

прилечь. Или хотя бы присесть, устроившись в самом темном углу какой-нибудь пустующей харчевни за стаканом анжарского крепкого... Там он вполне сносно провел бы время, дожидаясь утреннего рейса.

Затоптав в пахучую аквелукскую землю пустые надежды, Данн сунул хозяину визитку с эмблемой двора на титульной стороне. Ожидал, что папаша кивнет уважительно и приосанится, как обычно бывало... Но старик только недоверчиво фыркнул. Да эта вежливость у них наследственная!

– «Главный мастер защиты от проклятий королевского двора», – прочитал старик по слогам, вертя карточку в ладони. Стушевался едва заметно, но быстро взял себя в руки. – Кхм, я, кажется, видел ваше фото... в «Либтоунском Вестнике» этим летом.

Данн болезненно поморщился. Летом... Скорее, там была дурацкая карикатура с участием юбок Ее Величества. Но в данный момент он был не против даже такого нелепого узнавания. И впервые за карьеру испытал благодарность к главной газетной сплетнице Мэтьюз-Грейс.

– И вы нам поможете? – неуверенно уточнил старик.

– Попытаюсь. Но на своих условиях, – Данн нахмурил лоб и прошелся по коридору. Дальше его не пригласили, а значит, обсуждать «неприятную часть» придется в проходе. – Восстановление барьера – процесс небыстрый. Сами понимаете, насколько аппетитной выглядит ваша дочь в глазах Тьмы. Или... не понимаете?

Прищурился, нацелив острый взгляд на хозяина. Тот под ним даже не дрогнул.

– Она крепкая девочка. И телом, и магией, – зачем-то заверил его старый чародей.

Будто тренированные ноги и сильная искра хоть кому-то помогли убежать от Тьмы!

– *Очень аппетитной*, – Данн до боли выгнул бровь, надеясь побыстрее достичь с папашей взаимопонимания и перейти к еще более неприятной части. Их впереди было до Варха, и все как одна паршивые. – *И невыносимо желанной*.

Хозяин растерянно почесал короткую бороду, провел рукой по лысеющей макушке, выдохнул... и, поразмыслив, согласно кивнул. Еще какой желанной. Такие подарки Тьме достаются редко.

Позади старика открылась дверь, и мимо них прошла полная женщина приятной наружности, не то кухарка, не то экономка. Из проема показалась роскошная библиотека – явный центр притяжения всего дома. Даже отсюда чувствовался щекотный аромат ветхих изданий.

Маги-интеллигенты... Нет, он ничего не имел против умников, не вылетающих из библиотек. Но те, как правило, слишком некрепко стояли на земле, все норовя долететь мыслями до варховых золотых облаков. Ученых редко заботили скучные мирские проблемы. В этом они с Данном, пожалуй, были похожи.

Осознавал ли стоящий впереди мужчина, что уже почти

невозможно отвоевать девчонку у опьяненной Тьмы? Одурманенной, распробовавшей вкус невинной жертвы? Как обещавшая гончая, учуявшая манящий запах крови, она станет выслеживать ее снова и снова. Забираться в нежное тело, мучить, очернять, отвоевывая для себя душу по кусочкам...

Единственный способ договориться с Тьмой на ее территории – предложить что-нибудь взамен. Нечто столь желанное, что затмит даже дурманящий аромат невинности. И по счастливой случайности у Данна было чем ее приманить.

– Моя девочка не сделала ничего дурного, Варх свидетель! – горячо прохрипел старик, пошатываясь, словно в бреду. – Днем приходили целители... А потом служительницы храма Имиры Сиятельной... Они говорили... *всякое*.

– И каков вердикт? – с насмешливым интересом уточнил Данн, догадываясь, каким будет ответ.

– Лекари незнакомы с подобной хворью. Они предположили проклятье, но снять не смогли, – сердито выдохнул папаша, со злом сминая в кулаке визитку. – Храмовницы призвали меня смириться с карой, ибо только черные души становятся жертвами Тьмы.

Хозяин развернулся и, дергано шагая, вошел в библиотеку. Он громко сопел и не спешил снова смотреть на гостя. Бубнил себе под нос, словно вовсе не с Данном разговаривал: *«Моя жена была ученым... Выдающимся, одаренным, не каким-нибудь шарлатаном! Отец ее больше смыслил в религии, чем в науке... Но где они, эти наука и религия, когда*

моя малышка мечется в постели от боли?».

– Так что *вы* скажете, королевский мастер? – воскликнул старик с вызовом, опираясь дрожащей ладонью на книжный шкаф. – Это кара, болезнь или проклятье? Заслужила моя девочка наказание или это нелепая случайность?

– Не проклятье и не кара, – холодно выдал Рэдхэйвен и сделал шаг назад, избегая чужих заразительных эмоций. – Первое я бы не пропустил, что до второго... Аура девчонки сияет, как тот начищенный артефакт, что стоит у вас над камином. На мой взгляд, даже перебор с чистотой для ее возраста.

– Ну, это уж не вам решать! – воинственно взвился папаша, как-то резко помолодев.

– Я буду приходить каждый вечер, в десять по Звездносводу, – перешел Даннтиэль к самой неприятной части. Пустые скандалы его раздражали, но реакцию он легко мог предугадать. – Встречать не нужно. К этому моменту в доме должно быть тихо и темно.

Маг коротко кивнул, соглашаясь, что эти требования исполнить в его силах.

– Я буду подниматься к ней в комнату и оставаться до утра. Никто не должен в это время туда входить. *Никто*, даже вы. До самого рассвета, что бы вы ни услышали, – Данн договорил уверенно и спокойно, но лицо старика все равно побелело и предательски сползло.

Мда... такая вот нынче медицина. Мисс Мэтьюз-Грейс

была бы счастлива о ней написать в своей газетенке. Такая жирная почва для скандала.

– Вы будете оставаться... с моей девочкой... наедине? В ее спальне? По ночам?! – взревел гордый папаша и смерил незваного гостя гневным взглядом.

Данн устало воздел глаза к потолку: очень, очень неприятная часть.

– Именно так. И ваши отцовские страхи меня мало волнуют. К тому же невоспитанная девица не в моем вкусе, – поморщился Данн, вспомнив перепалку в парке.

Не знал, кого больше в этом пытается убедить – себя или сердобольного папашу. Зеленоглазая зараза и впрямь ничем не походила на столичных девушек, с которыми он заводил короткие романы время от времени.

На последнюю – так особенно. Прямо скажем, они были похожи ничуть не больше, чем небо и земля, Варх и Тьма, помпезный королевский двор и горящий сочной листвою парк Аквелука...

– Мне совсем нельзя присутствовать? – прошептал старик, покорно проглотив обиду.

– Я не готов открывать публике свои... кхм... «нетрадиционные целительские методики», – проворчал мастер защиты.

Данн не утруждал себя сомнениями, а не звучит ли это как-то двусмысленно? Видит Тьма, оно и выглядит так же. И именно поэтому папаше лучше не смотреть, для их обоюд-

ного блага и психического здоровья.

– Соглашайтесь или отказывайтесь. Решение за вами, – передернул плечами, уговаривая себя уйти, если укажут на дверь. Видит Тьма, с него достаточно унижений для одного дня.

– Зачем вам это? – спросил старик, все еще крутя мятую карточку в узловатых пальцах. – Не поймите неправильно... Вы состоите на службе у Ее Величества. И вряд ли она послала вас в Аквелук помочь моей дочери. Вряд ли короне вообще есть дело до здоровья моей малышки.

Глаза старика не озарились блеском благоговения на словах о монаршей особе. Что в них сверкало, так это ярость. Рэдхэйвен был почти уверен: не будь ситуация трагичной, маг захлопнул бы перед его носом дверь.

Впрочем, все свое недовольство хозяин скрыл за маской равнодушной учтивости. Он точно когда-то жил в столице, раз научился быстро прятать эмоции. Без этой способности в Хитане никак.

– У меня полно свободного времени, – лениво соврал Даннтиэль, пожав плечом. Игра в гляделки с непробиваемым магом порядком утомила. – И надо чем-то разбавить скуку. У вашей... кхм... «малышки» интересный случай.

«Интересный случай», мда... И поэтому он еще час назад отправил письмо Найдзелу и сообщил, что опоздает на неделю? То, другое дело тоже было неотложным.

И все-таки Данн остался в Аквелуке – небольшом горо-

дишке, последней остановке на пути в Анжар. Себе он правдиво ответить не мог, но отцу девчонки нужно было сказать хоть что-то.

– И это все? Вам... скучно?

На морщинистый лоб выскользнуло что-то вроде отвращения. Но затем старик поразмыслил и, видимо, счел эту причину не самой паршивой из возможных. Даже как будто успокоился.

«Столичный сноб, убивающий скуку странными способами» вполне вписывался в его картину мира и подозрений не вызывал. В отличие от хитанца, который решил бы помочь по доброте душевной и из сочувствия к чужой беде.

– Я не люблю бросать начатое, – добавил Данн, морща нос. Запах Тьмы и книг, намешанный в доме, уже вьелся в его одежду. – То, с чем мы столкнулись, весьма специфическое явление. И, пожалуй, мне любопытно, подействует ли мой... кхм... метод.

– «Нетрадиционный», – проворчал старик, брезгливо выбрасывая визитку в урну для бумаг.

– Экспериментальный. И еще: я сделаю это не бесплатно, – Рэдхэйвен склонил голову набок и сощурил глаза, с интересом наблюдая за реакцией. Он не бедствовал, но полагал, что любая работа должна оплачиваться. По справедливости и исходя из возможностей. – Через неделю я выставлю вам счет.

– Просите все, что угодно, мастер Рэдхэйвен, – побежден-

но пробормотал хозяин дома, окончательно успокоившись на слове «счет». Картинка в его голове полностью собралась.

– Именно так я и сделаю. Закончив лечение, попрошу у вас... *то, что мне угодно.*

На верхний этаж вела красивая витая лестница. Чувствовалось, что еще утром здесь кипела жизнь.

Дом утопал в цветах, но теперь их запах забивала расплзшаяся по пространству Тьма. Невидимая, неосязаемая, но присутствующая столь явственно, что хотелось немедленно выйти на улицу и продышаться. И все-таки Данн сделал еще один шаг вперед, забираясь на последнюю ступеньку.

Узкий коридор, разграничивающий спальни, был украшен сотней симпатичных мелочей. С десяток рамок с портретами красивой зеленоглазой женщины с аристократическими чертами и темными волосами, заплетенными в толстую косу. Коллекция безделушек под стеклом – всяческих шестеренок и устаревших бытовых артефактов, которыми уж лет сто, как не пользовались в Эррене.

Он толкнул левую дверь и вошел в спальню. Шторы, как он и просил, были плотно задернуты. Девчонку переодели в белую сорочку до пят и уложили на постель.

Она была на самой границе сознания – еще не в обмороке, но и не в ясном уме. Лежала на подушках, раскинув руки и жалобно похныкивая в забытьи.

Он едва не опоздал, расшаркиваясь с дотошным папашей.

Варх дери... Надо было просто выбить дверь и пройти наверх, не дожидаясь великодушного разрешения!

Данн нагнулся над кроватью, пытаясь получше рассмотреть ее в полумраке. Серая тень вновь натянулась на миловидное лицо. Глаза впали, под ними пролегли синие пятна. Но болезненный вид лишь сильнее выявил красивые черты.

Упрямые черные брови, пушок длинных ресниц, разметанные в подушке темные волосы... Узкое, продолговатое лицо, скульптурно очерченный подбородок... Высокий бледный лоб, покрытый испариной. Пухлая нижняя губа, искусанная в кровь...

Зараза и впрямь была привлекательной девушкой. И это несколько усложняло «экспериментальную методику». Сильно, сильно усложняло.

Рэдхэйвен даже не знал ее имени. Забыл спросить. Или не захотел. Какое имело оно значение здесь и сейчас?

Тьма мучила свою жертву, обволакивая девчонку паутиной, упаковывая в кокон, сотканный из мрака. Черные прожилки снова расползались по телу тонкими змеями. Наплывали на точеные скулы, на шею, на ладони и длинные пальцы.

Если бы кто-то вовремя заметил трещину в барьере... До того, как Тьма проторила в это тело дорожку и «подсела» на дарованную чистоту... Всего этого можно было бы избежать.

– Кто-то! – фыркнул Данн и со злостью потер морщину поперек лба. – Я должен был заметить. Я.

Она ведь столько времени торчала прямо перед ним в вар-

ховой книжной лавке! Забавно покашливала, пытаюсь привлечь внимание.

А он заскучал за книгой и искал способ развлечь себя до рейса. До отправления была еще пара часов, и Данн был близок к тому, чтобы помереть с тоски. И потому старательно изображал глухого, провоцируя аквелукскую простушку.

А когда все-таки обернулся к ней, то ничего не заметил. Ни мрака, ни дыры в барьере... Только дерзкие зеленые глазищи, расширившиеся от изумления, и скривившийся красивый рот.

Девушка испугалась, и это оказалось неприятно. Обычно Данна забавляла чужая реакция на его жутковатую персону.

И нет, деревенской простушкой задиристая девчонка не была. Магию его сразу почувствовала, но не отступилась, а только сильнее завелась. Будто его плащ, выдававший обеспеченного хитанца, был для нее, как красная тряпка для бешеного гхарра.

Раньше королевский мастер защиты от проклятий Тьму не пропускал. Варх, ведь это его работа! Было это черное пятно на запястье или нет? Наверняка и тень над девушкой нависала еще в лавке. Так это всегда и случается. А куда смотрел Данн?

А Данн, как распоследний облезлый гхарр, пялился на красивый рот, задумчиво посасывающий аккуратный пальчик. Какую там грязь девчонка хотела им протереть – не его дело. Его занимал сам процесс. Будто ртов в столице не на-

смотрелся!

Тронется он в этом Аквелуке. Видит Тьма, тронется. Так и не доехав до Анжарской академии и не вернув долг старику Мюблиуму.

Данн прошелся по спальне, отвернулся к окну, расстегнул тугой ворот на рубашке. В парке все прошло легко и почти безболезненно. Но это была только разминка.

То, что он планировал сделать сейчас... Даже у него в голове пока не укладывалась задуманная «нетрадиционная медицина», достойная самой скандальной полосы «Либтоунского Вестника». Демоны мрака!

И как он в это ввязался? Девчонка совсем еще дитя в магическом смысле. И судя по сияющей ауре, до оскомины невинна. Как умудрилась? На вид заразе никак не меньше двадцати, а в академиях нынче Варх знает что творится...

А кое о чем даже достопочтенный Варх не догадывается. Поэтому Даннтиэля и вызвал Найджел, давний приятель и ректор в Анжаре.

А он, как идиот, вместо того, чтобы поспешить, застрял на неделю в постели с непорочной задиристой девицей. И во все не по той причине, которую мог бы предположить любой случайный свидетель.

Данн украдкой покосился на мечущееся на подушках юное тело и набрал воздуха в грудь. Он, может, и сам бы от «той причины» не отказался. И про вкус свой, избалованный столичными барышнями, даже не вспомнил. В каких-то дру-

гих обстоятельствах.

Но «развлечения» ему тут предлагались совсем иного рода. Такие, какие он нескоро забудет.

– Ммм! – простонала девчонка, в бреду цепляясь зубами за подушку.

Ее мучила боль, но прозвучало уж слишком волнительно. Настолько, что Данн метнул хмурый взгляд на закрытую дверь.

Не потому, что боялся свидетелей (в наличии с той стороны нервного папаши он даже не сомневался). А потому, что закрававшаяся мысль о побеге остервенело толкала его к выходу.

– Агхрр! – рыкнула девчонка в потолок. Застонала сильнее, выгнулась на постели и тяжело задышала.

Вархова бездна!

– Сейчас, зараза, – пробормотал Рэдхэйвен, бросив прощальный взгляд на дверь.

Пора смириться, он застрял в этой западне на неделю. И это только начало.

Был, конечно, способ решить эту проблему за одну ночь, сделав девчонку менее привлекательной в глазах Тьмы. И вот как раз о нем Данн старался не вспоминать, обвиняюще поглядывая на постанывающее тело. Такого «целительства» папаша точно не одобрит.

Прервав поток ненужных мыслей, Данн подошел к постели, скинул ботинки и присел рядом со своей проблемой. Вы-

дохнул, поджал губы. Быстро расшнуровал завязки, стягивающие ее сорочку спереди, и аккуратно стащил лямку с острого бледного плеча.

Чутье уже сейчас кричало, что благодарности он от зеленоглазой не дождетя. Но ничего... Попросит себе достойную оплату и тем утешит уязвленное самолюбие. Данн видел в доме кое-какой старинный артефакт, древний накопитель энергии.

Редкая штукавина, забытая в веках. Но, похоже, еще рабочая: недаром выставлена внизу на камине, а не в коридоре под стеклом. Рэдхэйвен придумает, куда ее приспособить.

– Потерпи еще немного, – прохрипел Данн, расправляясь со второй лямкой и приспуская сорочку. Девчонка, почуяв неладное, тут же завозилась на постели. Захныкала возмущенно, сопротивляясь его рукам. – Терпи! Успокойся, так надо.

Слышала она его вообще или просто в бреду металась? Хорошо бы она ничего об этих ночах не вспомнила. Ему такая слава при дворе будет лишней.

– Я не причиню тебе вреда, – на всякий случай заверил Данн, хотя сомневался, что девица его понимает. – Надеюсь.

И он надеялся. Очень. Взывал к Варху и прочим забытым божествам, дышал сосредоточенно, ровно... Она действительно была не в его вкусе. Категорически.

Так убеждал себя Даннтиэль, стягивая с плеч пиджак и рубашку, оголяя торс и медленно, словно нехотя опуская те-

ло на упирающуюся девчонку.

Демоны! Догадывался, как сомнительно его «целительство» смотрится со стороны.

– Да уймись же ты... – прошипел сердито, получив очередной тычок в ребра от бредящего создания. – Я сам не в восторге. Видишь, как страдаю?

Ни гхарра она не видела. Жмурилась, убегая от проблем и его пронизывающего взгляда. Зато, обессилевшая от мук, все же находила в себе энергию для сопротивления. Извивалась и бессознательно корябала когтями его грудь, оставляя на ней заметные красные полосы.

Данну, конечно, не перед кем было красоваться голым торсом в этой Вархом забытой деревушке. Но отметины все равно раздражали. Они грозились напоминать все завтрашнее утро о том, о чем он надеялся забыть через полчаса.

– Ммм! – возмущенно промычала зараза.

Недовольно увернулась от его ладоней, пытавшихся усмирить девчонку и прижать теснее. Мягкую, разгоряченную... Уже сейчас, без всякой Тьмы, отравлявшую его существование.

– Мне просто нужен контакт с венами! – рявкнул Данн, все сильнее заводясь и разъярясь. Зашептал торопливо, донося информацию если не упрямыце, так хоть ее подушке: – Иначе она не ответит. Не почувствует, какую сладкую добычу ей предлагают на замену... Она слишком вошла во вкус, слишком опьянела. Я должен докричаться, Тьма тебя побе-

ри!

– Гхрр!.. – сдавленный рык был ему ответом.

Она или ни гхарра не понимала, или боль ей была милее общества мастера проклятий. И потому продолжала вертеться в его ладонях ужаленным анжарским змеем.

– Бешеная! Ты хочешь, чтобы боль ушла, или нет?

Тряхнул бредящую девицу, рассчитывая привести в чувство хоть на секунду. Тут же пожалел об этом, умудрившись получить локтем в глаз.

Расцарапанная грудь саднила, и Данн всерьез задумался – так ли уж нужен ему тот вархов артефакт? Может, Тьма вовсе не случайно забрела в девицу? Судя по ощущениям, она то еще исчадие мрака.

Спустя десять минут невыносимой возни зеленоглазая зараза, измотанная пополам Тьмой и Даннтиэлем, выбилась из сил и позволила прижать себя к груди. Змеи-венки тут же запузырились и, вздымаясь, стали послушно стекаться к ямочке между ключиц. Ну, слава гхаррам...

Тьма услышала зов, согласилась на обмен и теперь азартно готовилась к переходу. Не стоило заставлять ее ждать.

Данн прильнул губами к мокрой от пота шее. Слегка прикусил соленую кожу, чтобы девчонка не вырвалась в самый ответственный момент. Приподнял внутренний защитный заслон, раскрылся для алчущей плутовки. Замер приглашающе. Ну, давай же!..

И она пришла.

Девчонка едва слышно похныкивала, пока онпил ее тьму. Высасывал, пьянея от горькой муки, растекавшейся по венам.

Эта боль была сладкой и терпкой, знакомой. Она ломала ноги и руки, натягивала жилы до предела... Но вдруг отпустила, заставляя чувствовать острее. Манила свободой и снова затягивала кандалы.

Он давно привык к Тьме и с легкостью переносил то, от чего неподготовленный девичий организм сдавался и терял сознание. И все же в боли не было ничего приятного. Кроме того, что теперь она была *его*, а не *её*. Странно, но эта мысль немного грела и заставляла продолжать «экспериментальное целительство».

Данн вытянул черный яд без остатка и, обессилив, упал на подушку. Девушка давно лежала без чувств, но заметил он это только сейчас. Нащупал ровный пульс, послушал с минуту робкое дыхание и закрыл глаза, обещая себе убраться из этой постели задолго до рассвета.

Глава 5

Данттиэль

В дверь тихо, но настойчиво поскреблись, и Данн с неохотой разлепил глаза. Уперся осоловелым взглядом в незнакомый низкий потолок. Скосил глаза на окно, утопающее в бело-розовом облаке штор. Что за нелепица? И где он, Варх раздери, находится?

Рядом что-то шумно сопело, и он повернул голову к источнику звука. Скривился от нахлынувших воспоминаний и обреченно вбил затылок в подушку. «Убраться задолго до рассвета»... Как же!

Умиротворенное бледное лицо с еле заметным намеком на утренний румянец было развернуто в его сторону. Черные брови были укоряюще сдвинуты. Даже во сне девчонка обвиняла Данна в том, что тот посмел задержаться в варховой постели.

Он устало потер заросшие щеки, зажмурился, проморгался. Давно он не практиковал соединение с Тьмой. Вот и расслабился. Заснул. Выключился, как слабенький, измотанный веселой вечеринкой третьекурсник.

В дверь снова требовательно поскреблись, заставив глазами обшарить пол на предмет одежды.

– Не входить! – тихо зашипел Данн, не планируя будить девицу.

Поднялся в кровати, натянул на себя рубашку и быстро поправил сорочку на беззаботно спящей заразе. Он давно уяснил, что о некоторых врачебных тайнах родителям лучше не догадываться.

Задумчиво провел пальцем по белой шее. Девчонку совсем не брал загар, очень странно для анжарцев.

По тонкой светлой коже снова ползла серая змейка. Пока еле заметная, но грозящая к вечеру войти в полную силу и налиться мраком. Эту войну не выиграть за одну ночь.

В залитой светом библиотеке нервно прохаживался хозяин дома. Бездумно перемещался от одного стеллажа к другому. Иногда брал книги, но тут же ставил их на место. Погруженный в тревожные мысли, он не сразу заметил вошедшего Даннтиэля.

– Я должен был выйти раньше, – признал свой промах Рэдхэйвен. – Я уснул. Устал с дороги.

– Ваши «нетрадиционные методы»...

– Весьма изматывающие, – проворчал Данн, принимая из рук откуда-то возникшей кухарки чашку горячего кофе. Удивительная предусмотрительность для деревенской прислуги. Похвальная.

– Они помогли? Методы ваши? – беспокойно уточнил отец. – Как моя девочка?

За десяток тревожных часов он пуше прежнего поседел и осунулся. И по виду теперь точно годился ей в деды.

– Эту ночь пережила, – Данн отхлебнул вполне недурно сваренный напиток и благодарно кивнул женщине.

– Мы можем подготовить для вас комнату, если... – замялся старик, не привыкший принимать в своем доме «столичных выскочек».

– Не нужно. Я вернусь к вечеру, как и договаривались, – поморщился Рэдхэйвен, не представляя, как убить еще один день в Аквелуке. Но твердо знал, что отсюда ему нужно уйти.

– Нам что-то нужно сделать, сир? – подала голос прислужница. Очень ухоженная женщина средних лет. Нет, пожалуй, она все-таки экономка.

– Доляя, я сам разберусь...

– Сами, сами... – забухтела та возмущенно и вышла в коридор. – Сами вы чуть не выставили благородного сира за порог из-за старых обид на Варх знает кого! И тогда бы маленькая Эйви к утру...

Она еще о чем-то удрученно всхлипывала за дверью, но Данн перестал прислушиваться. Чутье вновь пыталось докричаться, что ему пора убираться отсюда.

– Попробуйте напоить и накормить, если придет в сознание, – коротко проинструктировал, обжигаясь кофе, но все равно продолжая пить. – Искушайте, переоденьте. Смените постель. Каждую ночь ваша дочь должна быть в новой и чистой сорочке, лучше неношенной, это важно. Позаботьтесь о том, чтобы вам их хватило... примерно на неделю.

– Неделю? – просипел старик, еще не свикшийся с неиз-

бежным. – Ладно, я отправлю Долию купить... Шесть новых...

– И еще... Я должен пообщаться с ее матерью. Это она на портретах? – Данн скосил глаза на верхний этаж.

– Зачем вам? – настороженно уточнил папаша.

– Иногда внутренние защитные барьеры крошатся сами по себе. Это может быть редкой наследственной слабостью, – пояснил сдержанно. – Предрасположенностью, в некотором смысле... Где мне ее найти?

– На Хитанском кладбище. Вот уже шесть лет как. Ровно шесть, – сдвинул седые брови мужчина и, предвосхищая следующий вопрос, добавил: – Она не болела... ничем таким. Случайность. Неудавшееся экспериментальное зелье, взрыв в лаборатории, брешь в системе магической безопасности.

– Все эти цветы?..

– Вчера был день памяти. Должен был быть, – выдохнул старик виновато. – Но мы так закрутились, что... Да и без моей девочки это все не то.

– Ясно. Я буду к вечеру, – кивнул Даннтиэль и, звякнув чашкой о стол, направился к выходу.

Вечером он снова вошел в дом, недавно наполненный жизнью, а теперь пропитанный темной материей. Как на ка-торгу, медленно поднялся по витой лестнице. Расцарапанной грудью предчувствовал очередной поединок с зеленоглазой когтистой бестией, отчаянно не желавшей выздоро-

ливать.

Девчонка жалобно постанывала, валясь в забытьи на бело-розовых подушках с нелепыми оборками. Будто и не приходила в себя сегодня.

Тени на красивом лице стали резче. Из хрупкого тела сочился черный мерцающий туман. Он неявно клубился и переливался в паре пальцев от горячей кожи. Темные ноготки оттеняли смертельную бледность.

Данн тихо, стараясь не тревожить бешеную девицу, расшнуровал ее новую сорочку. Стянул вниз до самого пупка, убеждаясь в догадке: вереница вен добралась до живота и теперь ползла на бедра.

Тьма настойчиво забирала себе не только душу, но и тело, действуя с каждым разом все более быстро и алчно. Она, видно, решила, что Даннтиэль сдался после первого мучительного раунда... Наивная плутовка.

Данн выдохнул и старательно отвел глаза от обнаженной заразы. От юного крепкого тела, что вздымалось совершенно бесстыдно и дерзко. От кожи, такой тонкой, прозрачной, нежной, что даже паутинка черных прожилок ее не портила...

Демоны мрака! Отвел глаза, как же!

Он успел в мельчайших деталях разглядеть все чувственные подробности. И лишь усилием воли не позволил себе к ним, к этим, кхм, «подробностям», притронуться. Словно оголодавший вирр после спячки, Варх его раздери!

Данн стиснул зубы и зло прорычал порцию отборных ругательств, не предназначенных для девичьих ушей. Быстро, боясь передумать и сбежать куда подальше, поднял с подушек невинное создание (заразу!). Притянул к себе, на ходу распахивая парадный пиджак, украшенный эмблемой двора, и расстегивая рубашку.

Потревоженная девица опять принялась извиваться в руках мокрой змеей. Да так резво, что пришлось чуть не до синяков сжать ее талию и плечи.

И все-таки девчонка почти вырвалась. Яростно царапнула по щеке, двинула в ухо. Вцепилась пальцами в волосы и дернула так, что глаза наполнились искрами. И все это – не приходя в сознание!

– Вот же зараза... – сдавленно простонал Данн. Перехватил тонкие запястья, упал на постель и навалился на девицу всей своей тяжестью. – Тогда будем по-плохому.

– Ммм! – возмущенно промычала распластанная под ним зеленоглазая бестия.

Укусил непослушную девчонку за шею – не из надобности, а из мести. Коснулся языком, зачем-то пробуя на вкус мягкую солоноватую кожу, податливо проминающуюся под губами. Прорычал очередную порцию отрезвляющих ругательств, но они мало чем помогли. Так скоро и до проклятий дойдет...

Но Тьма не боялась ни ругани, ни проклятий, и потому вальяжно перетекала из одного тела в другое. Отвечая на

зов давнего противника. Наполняя Данна знакомой болью и опьяняя еще сильнее, забирая себе остатки контроля и распалая сознание. Варх Всемогущий! Когда же это закончится?!

Издав последний возмущенный возглас, девица безвольной куклой замерла на подушках. А Даннтиэль... Он задышался. Сжимал в кулаке розовую шелковую простынь. Хрипел неразборчиво о том, как дорого ему обходится вархов артефакт, который не факт еще, что работает.

Кожа дикарки разгладилась и побелела, Тьма отступила. Ноготки снова порозовели, и под ними теперь хорошо просматривались сгустки крови.

По шее девчонки расползлось красное пятно с отчетливыми следами зубов. Данн хищно ухмыльнулся, потер саднящую щеку и с мыслью, что этот раунд окончен со счетом «один-один», устало свалился рядом. Но тут же вернулся к ругани и проклятьям, ощутив все прелести исцарапанной в кровь спины. Исчадие!

Он поклялся, что больше не переступит порога этой спальни. Оставит все как есть, и будь что будет. Пускай эта упрямица с ее роскошной нежной кожей, одуряющим запахом и острыми когтями отправляется к гхаррам. К керрактским демонам, к Варху, да хоть к самой Тьме в подружки!

Но следующим вечером Данн пришел снова. И последующим тоже.

На пятые сутки девица боролась уже с меньшим энтузи-

азмом и почти не царапалась. Того и гляди, его спина заживать начнет. То ли силы ее оставили, то ли она неосознанно попривыкла к «нетрадиционной медицине». К чужому телу, прижимавшемуся к ней в сопровождении хора хриплых ругательств.

Забирать черный яд стало легче. Боль проскальзывала в него за несколько минут, заполняя до краев и сводя с ума. Распаляя, путая мысли, обостряя и без того накаленные чувства.

Девчонка тут же теряла остатки сознания, а Данн еще долго скрежетал зубами. Обещал себе уйти и больше не возвращаться в адскую постель. И спустя мгновение крепко засыпал, оставаясь в ней до рассвета.

Утром седьмого дня серая змейка на шее не появилась. Тьма готова была отступить, барьер девчонки почти восстановился.

Отвоеванное тело сладко сопело на светлых простынях, укутанное золотыми лучами осеннего солнца. Даннтиэль поглядел на девчонку с минуту, а затем решительно оделся и спустился вниз.

Обнадежил хозяина дома, всю неделю послушно исполнявшего условия, что грядущая ночь станет последней. А затем они договорятся об оплате, и тот больше никогда не увидит пугающего гостя.

Седьмой ночью она так и не пришла в себя. Но Даннтиэль

знал: едва Тьма официально признает поражение, сознание к ней вернется. Утром. Уже завтрашним утром...

А пока в новой чистенькой, очень плотной сорочке, благоухающая и свежая, девица металась по кровати и прерывисто дышала. Мраморные прожилки, появившиеся за эти сутки – бледные, едва заметные, – все равно причиняли боль.

– Я пришел. Сейчас я ее заберу, – зачем-то пообещал и провел ладонью по белой щеке. Слишком нежная, приятная, словно шелковая кожа. Разве может такая быть у деревенской девицы?

Подушечки пальцев ожидаемо заискрили: ее защитный барьер был практически идеален. Данн ощутил натянутые внутри золотые струны, призванные оберегать хозяйку от вторжения зла. Крепкая девочка, стойкая... Завтра будет еще и здоровой.

А ведь он мог пройти в том парке мимо. Отвернуться, сесть в первый вояжер и отправиться в воздушную гавань. Улететь в Анжар по своим важным делам. От одной мысли становилось не по себе.

Рэдхэйвен проглотил горечь, выдохнул и приготовился к последнему поединку с зеленоглазой упрямицей. О которой он завтра надеялся и не вспомнить. Сильно надеялся, старательно.

Приспустил с острых плеч сорочку, пошитую из плотного материала, больше подходящего для фермерских мешков. Выправил свою рубашку из брюк, отчего-то замер в предвку-

шении. Неторопливо потянул к себе извивающееся тело...

И тут произошло то, чего Данн точно не смог бы вообразить. Ни в мечтах, ни в кошмарах, ни в проклятых фантазиях. Девчонка, ощутив требовательное движение, сама доверчиво прильнула к его груди и обвила шею дрожащими руками.

Данн настороженно заглянул в бледное лицо. Глаза закрыты, ресницы подрагивают... Нет, она по-прежнему в бреду. В мрачном дурмане, в который погружает Тьма свою жертву. Испуганно блуждает в бесконечном лабиринте без входа и выхода.

Тогда какого треклятого гхарра она прижимается так тесно, так яростно? Так сладко...

Он нащупал ладонью изголовье кровати, оперся, переводя сбившееся дыхание. Прикрыл глаза, наклонился, скользнув носом по длинной шее, и коснулся губами кожи между ключиц. Проклятие. Вархово проклятие.

Даннтиэль пил ее тьму в последний раз. До дна, высасывая затерявшиеся ядовитые сгустки из самых глубин, надеясь оставить после себя чистоту.

А оно... это безымянное проклятие с дерзкими зелеными глазищами... стонало! И если бы от муки! Тихонько, робко, явно не от боли... Так невыносимо сладко, что его шея до самых ушей покрылась мурашками, а на деревянном изголовье остался след от его ногтей.

– Ох, зараза, зачем ты так со мной? – возмутился Данн,

поглядывая на девицу с осуждением. На ту ее разволновавшуюся часть, которая на глаза попалась. Исчадие!

Он упрямо продолжал тянуть дурманящий яд, стискивая до скрипа резное изголовье и цепляя арканом беснующееся сознание. С гневным рыком смиряя свое непокорное тело. И все крепче, все настойчивее сжимая в руках чужое.

Каким-то чудом сдержался. Выстоял. Отбросил хрупкое создание, утратившее всякую подвижность, на подушки и прикрыл одеялом.

Пошатываясь, встал с постели. Провел дрожащей ладонью по стене, путаясь в пространстве знакомой до последней розовой оборки спальни. Варх, не похожа она на поклонницу рюшей, но в тихом омуте... Пожалуй, это все же не самая ее дурная черта из всех.

Скользнул спиной по холодной стене, осел на подгибающихся ногах, выдохнул протяжно в темный потолок. Надо уходить.

Прямо сейчас, не дожидаясь рассвета. Попросить оплату и скрыться в ночи. И первым же рейсом лететь в Анжар, Керроу в академии уже места себе не находит. Данн слишком тут задержался.

Оплату.

Это слово терзало его который день. Дикая мысль снова проникла в измученное темной болью сознание и прочно обосновалась в голове. И все его существо, каждая клеточка ее поддержали. Невероятная глупость. Мало Данну про-

блем?

Он привстал с пола, пошатнулся, вернулся к постели и присел на край. Откинулся на подушку и машинально набросил на себя одеяло, пытаясь унять постыдную дрожь. Сам бы не смог с точностью определить, отчего его так колотило.

Всего пара минут. Он переведет дыхание и уйдет, не общаясь с папашей и ничего не прося за спасение дерзкой упрямыцы. В конце концов, раз в жизни королевский мастер может сделать исключение из правил.

Он уже приподнялся на локтях и откинул в сторону одеяло, собираясь встать. Как вдруг девица потянулась, выгнулась, что-то неразборчиво пробормотала... и нырнула ему под руку. По-хозяйски обустроилась на плече, уткнулась вздернутым носом в подмышку. И заснула прирученной саблезубой виррой. Крепко и беспощадно. Варх, за что?!

Данн недоуменно уперся глазами в потолок, положил на девчонку свою отяжелевшую руку и набросил одеяло обратно. Смиренно вздохнул, принимая неизбежное. В конце концов, его рейс только утром, и шататься ночью по пахнущему деревней Аквелуку – то еще развлечение.

Небольшую комнату заливал серый свет, просачиваясь сквозь идиотские занавески с рюшами и красиво очерчивая изгибы лежащей на Даннтиэле заразы. За окнами уже собирався рассвет. Но не спешил, позволяя еще задержаться.

Данн аккуратно выбрался из нежного капкана, убрал тон-

кие бледные руки со своей подушки и уложил по обе стороны от чернявой головы. Провел большим пальцем по почти белым губам. Скоро они станут розовыми, а на щеках разыграется румянец.

Ладно, к гхаррам... Он был горд собой. Впервые за Варх знает сколько лет на службе при дворе сделал что-то полезное. Устоял, выдержал.

Думал, сорвется. Давно Данн не испытывал такой муки. Жилы до сих пор крутило болью, по языку растекалась сладкая горечь – до отвращения знакомый вкус Тьмы. Тело все еще звенело кипящим напряжением и отравляющим жизнь желанием.

Он окинул блуждающим взглядом девчонку. Красивая, зараза. Вбил кулак в розовую подушку, нагнулся низко к обкусанным губам. В конце концов, задолжал ему не только ее папаша. Уж один поцелуй он может позволить себе украсть на память.

Словил ее робкий выдох, остановился. Аквелукской девице и без того надолго воспоминаний хватит. Если она, конечно, хоть что-то восстановит в памяти.

Рэдхэйвен потер гудящий висок. В голове разом играло несколько оркестров, и они никак не могли договориться между собой. Была ведь какая-то важная мысль во всей этой драной какофонии? Ах, да...

Если она вообще вспомнит его.

Так и завис в какой-то паре миллиметров от нежной ко-

жи. Вдохни девчонка поглубже, шевельнись немного – и сама бы его коснулась. На секунду даже представил, как ее открытый рот вдруг смыкается с его собственным... И тут, к Варху не ходи, Данн бы точно сорвался. Не каменный.

Но зараза лежала смиренно и прикасаться к нему добровольно не собиралась. Вот кто бы сомневался. Дикарка деревенская! Бешеная, кусачая, с длинными острыми когтями. Упрямая, нахальная и излишне говорливая. Дикая вирра...

Нужна ему эта головная боль? Пусть даже одуряюще пахнущая и обладающая незаконно нежной, шелковой кожей... Одно слово – зараза.

Пора уходить. Прямо сейчас. Все ведь так просто! Встать, собрать с пола вещи, привести себя в порядок и выйти из варховой спальни. Спуститься вниз, предельно вежливо пообщаться с издергавшимся папашей, принять благодарности и оплату...

И никаких ошибок. Больше они с ней никогда не увидятся. Так будет лучше для обоих. Девчонка и дальше продолжит подрабатывать в сельской книжной лавочке, а он больше носа не сунет в Аквелук. Хватит, надышался местным дивным воздухом. До сих пор легкие тьмой горят.

Пора сделать то, за чем приехал. Встретиться с давним другом, отдать долг старому профессору, содрать парочку заковыристых проклятий с академических дверей... А потом вернуться к столичной суете, напитанной смесью парфюмов, шорохом дорогих платьев и смехом доступных жен-

щин.

Рэдхэйвен сполз на край кровати, свесил ноги, поднял с пола порванную рубашку. С силой потер лицо. Размял шею, почесал недельную щетину. Нашупал след от укуса... Ухмыльнулся. Ничего, он за него отомстил.

Скосил голову набок и очертил глазами две изящные ступни, торчавшие из-под подола длинной сорочки. Самой плотной сорочки в Эррене! Из такой ткани шьют свои платья послушницы в храме Имиры Сиятельной. И где ее умудрился раздобыть нервный папаша? Данн бы не удивился, узнай, что тот все аквелукские магазины обошел, понимая, с кем предстоит оставить ночью единственную дочь.

Сомневался в нем. А кто бы не засомневался? Он и сам в себе, раз уж на то пошло... Тьма пьянит, дурманит. И даже королевский мастер подвержен ее влиянию, пусть и в меньшей степени.

Данн задумчиво пересчитал смешные маленькие пальцы, торчащие из-под подола. Приподнял ткань, провел рукой по хрупкой щиколотке, отмеченной паутиной побледневших вен. Прорисовал каждую, запоминая витиеватый узор. Через пару часов они исчезнут совсем, он этого уже не застанет.

Девчонка дернула ножкой: щекотно. Данн развернулся, просунул руку под ее затылок и приподнял голову над подушкой. Притянул к себе безвольное тело в последний раз.

Невесомая тряпичная кукла, выбившаяся из сил, измотанная борьбой... Это сейчас зараза прикидывалась покор-

ной. Потому и лезли в голову идиотские мысли об «оплате». А ты пойди к зеркалу да пересчитай все отметины, оставленные варховыми когтями...

Забыв об осторожности, Данн ткнулся носом в ароматную шею, вдохнул, вздрогнул, мгновенно захмелев. Отбросил девчонку обратно на подушки и резко поднялся с постели. Проклятье!

Чем выше поднималось солнце над Анжарской провинцией, тем явственнее Рэдхэйвен понимал, что не может уйти отсюда с пустыми руками. Хозяин дома сказал, что за спасение зеленоглазой заразы Данн может взять все, что пожелает. Оставалось теперь понять, чего он хочет.

Внизу его дожидался старинный родовой артефакт – вполне достойная оплата недельных трудов. В окно стучалась ветка с резными красными листьями, отбивая секунды. Хрясь! Хрясь...

Не глядя больше на полуобнаженное тело, Даннтиэль подхватил одежду, пересек спальню и вышел вон. Первым делом отыскал владельца дома, который, как и раньше, обнаружился в библиотеке. Вряд ли он за ночь сомкнул глаза.

– Тьма отступила. Барьер полностью восстановлен. К завтраку ваша дочь должна проснуться, – невозмутимо оповестил Данн. Старик выдохнул с облегчением, но что-то во взгляде гостя заставило его нахмуриться и воинственно сложить руки на груди. – А теперь поговорим об оплате.

Глава 6

Эйвелин

Колючее солнце щекотало веки, заставляя открыть глаза и подняться с постели. Чего делать решительно не хотелось. Потому как поворот тела вправо или влево карался болью в каждой мышце – это я уже опытным путем поняла. Какого гхарра со мной произошло?

– Па-а-ап... – язык во рту ощущался сухим и шершавым.

Пальцы первым делом потянулись к саднящей шее, ощутили ее аккуратно. Это что, укус?!

Нет, у меня бывали, конечно, провалы в памяти. Пару раз, после самых забористых Тейкиных экспериментов.

А еще один раз я попала под книгопад в лавке сирры Фэрвей. Разрыв материи случился на той стороне улицы, но и нас тряхнуло прилично. Отец потом долго охал, разглядывая фиолетовую шишку, что моя тяга к знаниям доведет до беды.

Но вот такого, чтобы проснуться в постели с укусами и синяками и ничего не помнить... Нет, такого еще не бывало. Впервые.

И ощущения, видит Варх, занятные. Будто по тебе стадо гхарров проскакало, старательно потоптавшись на особо мягких поверхностях. Еще и на изогнутых рогах, гады, покрутили. Для забавы.

Но в магическом родео я бы точно не стала участвовать!

Вейн говорит, приличным девушкам там делать нечего. И тут я с ним совершенно согласна.

На помятом лице ощущались следы рюшей и кружева. Боги Эррена, как мы с мамой ругались из-за глупого интерьера! Помню, я комплект с глупыми оборками даже сжечь хотела. Но потом гормоны перестали устраивать бунт, и я смирилась.

Глаз я все-таки приоткрыла. Один. На большее способна не была. Кое-как дотянулась до стакана с соком альта-цитрона. Половину ожидаемо пролила на подушку, но несколько капель ядреного восстанавливающего настоя все же попало на губы. Их защипало, я зашипела. Больно!

Попыталась сесть, взвыла от острой головной боли. Вспышкой в сознании мелькнули черные глаза. Злые какие-то, обвиняющие. Как если бы я у их владельца что-то ценное украла, а он нашел меня и теперь требовал расплаты. Полный мрак.

Проморгалась, прогоняя жуткий образ из головы, потеряла висок. Вперилась взглядом в бордовые листья за окном. Так, вернемся к вопросу: какого линиялого гхарра со мной вчера произошло?

Или не вчера?

Анжарский клен-зубец совсем раскраснелся. А когда я приехала, удлиненные резные листья только начинали рыжеть. Проклятье! Значит, валяюсь я тут не меньше недели. И это невыносимо обидно, потому как, выходит, я и мамин

день памяти проспала, и шанс подержать в руках трактат Милезингера упустила.

Началось все там, в парке... После спора с противным желтоглазым мужиком, предложившим облобызать его грязную мантию. Брр! Потом мы гуляли с Вейном к фонтану, я зачем-то лежала на траве, и вокруг было много начищенных ботинок...

Я испуганно схватилась за запястье. Точно! Мне было больно, вот здесь. Я вспомнила, как прямо по коже расплзалась паутинка странных черных вен. Она кололась, тянула жилы, заполняла рот горечью. И было страшно от мысли, что я умираю. А все вокруг шептались, что это Тьма меня карает, и значит, я заслужила.

Но вот она я – живая, с совершенно чистой кожей, утопаю в дурацком розовом зефире. Неужели мне все приснилось?

– Па-а-ап?! – проорала в приоткрытую дверь спальни.

Но никто не отозвался. Я медленно сползла с постели и, хватаясь за штору, двинулась к двери в ванную. Варх Всемогущий... Если я проспала неделю, то завтра уже учебный день! А я отдохнувшей себя не слишком-то ощущаю. Вот вам и «дополнительные каникулы». После такого отпуска еще отдыхать и отдыхать.

Плеснула в лицо ледяной водой и с силой потерла бледные щеки. Надо попытаться вспомнить. Итак, трава, ботинки, горящий контейнер Марисы... Желтые глаза. Недобрые, будто предвещающие беду.

Вот что я видела последним: тот надменный квахар с жутковатыми джантариками стоял на другом конце парка. А что было дальше, не представляю, потому как я зажмурилась от резкой боли и, видимо, отключилась.

Потом мне целую вечность снились неправдоподобные сны. В них был мужчина. Рычащий, нервный, сильный... Незнакомый и знакомый одновременно. С черными, как сама Тьма, глазами. С ним было и страшно, и спокойно. Но больше все-таки страшно.

Картинки из снов, что мелькали перед глазами, были такими стыдными и смущающими, что я потрясла головой, надеясь вытряхнуть их в раковину. Но они остались внутри, только шея сильнее разболелась. Гадство!

Эти ладони... Крупные, сильные, загорелые. Сжимающие нагло то, что сжимать совершенно не положено! И черные-черные глаза, в которые проваливаешься, как в межмировые воронки. И хрипящая брань, сдобренная ярким столичным акцентом. Совсем уж нереальные фантазии. Мне такое никогда не снится, Вархом клянусь!

А еще запах... Сильный, пряный, дразнящий, дерзкий. И жаркое дыхание, оплавливающее шею. И губы, сжимающие кожу так яростно, словно проучить желают. А взгляд голодный такой, что страшно делается!

Незнакомый мужчина со мной, в моей постели, в родительском доме? Глупости какие. Этому должно быть какое-то объяснение. Нормальное объяснение, а не та чепуха,

что лезет в голову.

И огромным багрово-синим кровоподтекам, осыпавшим плечи, бедра и шею, его тоже найти хотелось бы. Как и запекшейся крови под ногтями... Как и новой сорочке, перешитой, по ощущениям, из фермерского мешка...

Я накинула домашний халат и на дрожащих ногах спустилась в столовую, где за накрытым столом дожидался отец. Рядом суетилась Долия, разливая по чашкам горячий фруктовый взвар.

– Папа?

Его трудно было узнать. Мы будто лет десять не виделись, и ему эти годы дались непросто.

– Эйвелин... Я все-таки тебя разбудил? Я не хотел.

– Сир Ламберт просто каждые десять минут заглядывал в твою спальню, – рассмеялась экономка. – Но совсем не для того, чтобы разбудить, да.

Я плюхнулась на стул и поморщилась. Ой! Не знаю, как остальное тело, но моя пятая точка точно всю неделю участвовала в варховом родео.

– Папа, что произошло?

– Ты заболела, дочка. Твое тело по каким-то причинам открылось Тьме, – подбирая слова, приглушенно пробормотал отец. Он так старательно прятал глаза, что даже доверчивая служительница храма Варха заподозрила бы неладное. – Тебя вылечил... один человек.

– Целитель?

Я зажмурилась, выгоняя из головы черные глаза. И жаркие лапы, и дразнящий запах... Это просто кошмар. Дурной сон. Я слышала, что Тьма любит путать своих жертв и внушать им всякую чепуху.

– Скорее, наоборот, – отец накрыл лицо рукой и потер брови. – Проезжий. То, что он встретился на твоём пути...

– Наверное, я должна выразить ему благодарность, – перебила неуверенно.

Должна ведь? Варх с ними, с синяками – вылечил же?

– Он уехал на рассвете. И обойдется без благодарностей, – строго припечатал отец и медленно выдохнул. – И так дорого взял за свои услуги.

Память, измотанная Тьмой, снова утянула меня в ловушку кошмаров. Сны и воспоминания смешались, и теперь вдруг показалось, что эти черные глаза были чем-то похожи на желтые... С той лишь разницей, что были черными, да.

Но тот столичный квахар помогать бы не стал. После всего, чего я ему наговорила? Да прямо! Бросил бы умирать и равнодушно прошагал мимо. Знаю я эту породу.

– Пап... – я прочистила горло, захлебнувшись взваром.

– Мм?

– А как он меня лечил? – поерзала на стуле. Варх! Больно!

– Не имею представления, малышка. Этот маг запирался в твоей спальне каждую ночь и...

Поймав мой ошарашенный взгляд, отец сухо кивнул. Мол, да, запирался. Да, по ночам. И делай с этой ценной инфор-

мацией, что хочешь. Живи, радуйся и вот это все.

Я начала медленно сползать со стула и лишь за секунду до падения спохватилась и вползла обратно. Это же сны, просто сны... Фантазии измотанного болезнью разума.

– Но было тихо, я подслушивал, – заговорщицки добавил папа. – Если бы ты кричала, я бы сразу ворвался, нарушив слово. А ты совсем ничего не помнишь?

Я старательно – даже слишком – помотала головой. В шею опять захрустело, но я продолжала мотать, пока не убедилась, что отец мне поверил.

Да что за медицина такая странная, от которой щеки краснеют и сердце припускает в бодрой анжарской польке?

– Сейчас меня больше волнует другое, Эйви, – выдохнул папа, и тело как по команде натянулось до треска. – Ты крепкая девочка и всегда была хорошо защищена. Как могла Тьма найти лазейку? Из-за чего надломился барьер сразу по возвращении из академии?

Тело мое расслабилось и растеклось по стулу. Наши с папой волнения касались разных вещей. То есть все, о чем он говорил, было, конечно, важно. Но не важнее варховых лап «проезжего целителя», сжимающих мои бедра до синяков.

– Я написал Керроу и рассказал про твой случай, – продолжил папенька. Варх побери! – Он пообещал привлечь лучших специалистов и хорошенько проверить твою защиту. Виданое ли дело, что по невинным студенткам Тьма ползает?

– Это совершенно лишнее, пап. Не стоит дергать ректора

по пустякам, – простонала, с ужасом представляя «диагностическую процедуру».

Знаю я этих специалистов. Хуже сира Райса только доктор Граймс будет. С этими его вечными шуточками на тему сияющей ауры и прочими язвительными намеками. Уж лучше сразу ампутацию мозга, право слово.

– Это не пустяк! – взвился отец. – Я не самый влиятельный человек в Эррене, но какие-то связи у меня остались. И я планирую ими воспользоваться.

Хоть в чем-то мне повезло: чемоданы, собранные впопыхах в академии, разобрать я так и не успела. Так что к приезду ученического вояжера мне нужно было только стащить их обратно вниз.

Спускаясь, отметила пустую каминную полку с мерцающим куполом с функцией «антипыль». Раньше на ней стоял древний артефакт, принадлежавший маминому роду. Старинному, кстати, и уважаемому.

Наверное, из-за трепета перед маминой аристократической фамилией и из-за признания ее выдающихся заслуг и от меня ждали чего-то подобного. Открытий, достижений. Все три года в академии надо мной витал дух бесстрашного мага-экспериментатора. Мамино имя всегда во мне отзывалось гордостью, но я точно знала, что я – не она.

На пороге дежурил Вейн, весь какой-то растрепанный, необычно лохматый и взбудораженный. За ним недовольно

гудел академический маг-вояжер, дожидавшийся только меня.

– Эв! Я уже издергался. Ты в порядке?

– Я ничего... вроде бы, – поправила волосы, наскоро убранные в хвост.

Проверила пуговицы на воротничке. Вроде все застегну- ты, а все равно такое чувство, что с чем-то я промахнулась. Вот что бывает, когда собираешься, раздумывая совсем не о том, о чем положено.

– Этот придворный хитанец запретил тебя навещать, пока Тьма совсем не выйдет, – объяснил друг виновато.

– Хит-танец? – прошептала с запинкой. – Который?

– Который тебя всю неделю спасал, крикетка. Не помнишь разве? – Вейн закинул мои чемоданы на крышу и пристегнул их магическим лассо. – Он из тебя в парке всю тьму высосал, пока ты без сознания на траве валялась.

– Как высосал? Так, Диккинс, давай-ка в подробностях, – прошипела в его ухо, озабоченно косясь на заинтересован- ные лица однокурсников, прилипшие к окнам.

Лучше покончить с этим вопросом тут, на улице, чем бол- тать на щекотливую тему внутри.

– Натурально. Из шеи, – Вейн говорил с такой гордостью, будто сам меня с того света вытаскивал. Или, как минимум, ассистировал. – Как змеиный яд или вроде того. А потом велел мне тебя в дом перетащить. Ты бы, кстати, на пирожные поменьше налегала... Еле донес!

В его честных глазищах прыгали буйные смешинки, и я решила не обижаться. Спишем на нервное. Но запомним и потом, если что, отомстим.

Доля вот, напротив, насильно в меня еду запихивает и сетует, что «тощую Эйви» даже ветер не замечает. Кто-то из этих двоих точно привирает!

– Вейн, ты не перепутал, именно тот хитанец, не какой-нибудь другой? – с увядающей надеждой протянула я, подавая парню последнюю сумку.

Ее можно было и в руках довести, но тогда пришлось бы забираться внутрь.

– Ты так говоришь, будто темные мастера из столицы пачками тут разгуливают! – профыркал Диккинс, с легкостью забрасывая поклажу наверх и помогая мне подняться по ступенькам.

– Ты только не вздумай в академии рассказывать, что из меня кто-то что-то высасывал, – строго поглядела на парня, хватаясь за поручни.

– В этом нет ничего стыдного, Эв...

– Не вздумай!

Я помахала отцу и Долии, выглянувшим из окна гостиной, и уселась на свободное кресло. Восьмиместный вояжер вальяжно тронулся. Миновал парк, горевший красной листвою, прокатился по главной улице и направился к выезду из города.

– Остановите на секунду! – крикнула водителю, увидев

очертания знакомой книжной лавки. Не прочитаю, так хоть пощупаю напоследок!

Не дожидаясь, когда вояжер затормозит, выпрыгнула наружу и скрылась за витражной дверью. Вихрем пронеслась к «застеколью» сирры Фэрвей. Где же вы, достопочтенный сир Милезингер? Готовьтесь, я сейчас буду вам глазки строить и умолять меня дождаться.

Может, до следующих каникул никому не приглянется бесценное сокровище, каким-то чудом оказавшееся в Аквелуке? Не так тут много фанатов прикладной артефакторики, право слово.

Но на полке было пусто. То есть вообще! Даже пыль кто-то стер.

– А где?.. – растерянно поискала глазами рыжую шевелюру.

– Купили несколько часов назад, Эйви, – выдохнула сирра Фэрвей и развела руками. – Предложили хорошую цену. Очень хорошую, сумма покрыла все наши издержки за полгода. Прости, я не смогла отказать.

Я всхлипнула – не от обиды, а от варховой несправедливости – и, помахав рукой хозяйке книжной лавки, вышла на воздух.

Папа сказал, что я выжила только чудом. Наверное, сразу много чудес в одни руки выдавать не положено.

Глава 7

После недельного сна тело бодрилось и требовало деятельности, но на самом деле у меня почти ни на что не было сил. Сир Милезингер, так и не дождавшийся свидания со мной, стал последней каплей. Предатель! Я же лучше какого-нибудь престарелого коллекционера. Аккуратнее, симпатичнее. Но, может, он пытался сопротивляться, и я зря наговариваю.

Я влезла в вояжер, расстроено упала на сидение возле Диккинса и уложила голову ему на плечо.

– Отдыхай, крикетка.

– Не называй меня так... – по привычке проворчала я, хотя против этого прозвища вот уже который год ничего не имела.

Крикетки водились в местных лесах, на заболоченных озерах. Редкие представители местной фауны – странные водоплавающие птицы, не умеющие летать. Хотя крылья у них были и довольно приличные. Кто знает, может, крикетки ни разу не пробовали? Или просто не хотели?

Зато они шустро бегали, забавно подпрыгивая на кочках, превосходно ныряли и заполняли лес своим звонким «Крик-кри». Вейн меня так прозвал из-за их оперения – бледно-зеленого, лоснящегося, в цвет моих глаз.

– Эв... Я хотел поговорить с тобой про бал, – сдавленно

ным шепотом выдал Диккинс, прижимая меня к себе. – Еще в парке хотел, а тут обморок этот твой так некстати... Ламберт, ты спишь, что ли?

Я усердно засопела, изображая похрапывание. В том, что Тьма в меня влезла в совершенно неудобное время, я была с Вейном согласна. Но вряд ли у меня будет возможность ей об этом рассказать. Я надеялась больше никогда-никогда с ней не встречаться.

Интересно, будет ли вообще этот Бал Варховых даров? Не удивлюсь, если Керроу решит его отменить. Вдруг кто-нибудь в проклятье вляпается во время танцев? Там работы явно не на неделю было. Вообще мутная история с этими дверями, ей Варху!

Вот зачем бы старику Мюблиуму, нашему магистру темных проклятий, навешивать черные чары на двери аудиторий? Профессор, конечно, не от мира сего, но вполне безобидный. С виду.

Сам же от своих шуток и пострадал. Словил рикошетом проклятие забвения и теперь валялся в больничной палате без памяти и шансов принять у нас зачет. Последнее было самым обидным.

– Ламберт, хорош притворяться... – Диккинс легонько пихнул меня в бок, но я не поддаюсь и захрапела громче.

Рисса, как истинная мастерица греть уши об чужие двери (но исключительно об те, что не запятнаны проклятиями), «обнадежила» нас перед самым отъездом. Мол, Керроу вы-

звал из столицы жутко важного проклятийника, работающего при королевском дворе. И тот прямо из Хитаны частным судном в Анжар вылетел. Может, уже отмыл там все?

И с чего вдруг такая именитая задн... персона согласилась посетить наши стены, потрепанные неудавшимися огнешарами? Может, он тоже считает, что что-то с грязными дверями нечисто?

Я горестно вздохнула на плече у Диккинса. Не дай Варх, эту важную шишку на замену к нам определяют! Ясен гхарр, требовать он будет побольше Мюблиума. Старик мог забыть про зачет и без всякой магии.

Я приоткрыла глаза, когда поняла, что Вейн и сам задремал. Развернулась к окну и разомлела от видов Анжарской провинции. Дорогой хотелось жмуриться от яркости трав и листвы. Вся территория между Анжаром и Аквелуком была отдана под поля и сады.

Это в Хитане строились заводы для производства бытовых артефактов крупного и мелкого калибра, разводились диковинные животные, основывались центры экспериментальной магии. А мы... Что с нас возьмешь? Куда нам до столицы?

Анжарцам их изумрудные поля и душистые сады милее. Здесь магическое сельское хозяйство возведено в культ. И это единственные земли, где гхарров поминают чаще, чем Варха Всемогущего.

Стада винторогих – хуже плотоядной саранчи. Сами не

едят, но копытами, каждое из которых с мою ладонь, топчут все подряд. Труженики из сельхозмага не успевают поднимать ростки, как уже новый набег... Расплодились на вольных хлебах! Злости, Варховой милости и стаи саблезубых вирр на них не хватает.

У ворот академии случился затор из маг-вояжеров. Первокурсники долго копошились со своими вещами, мешая подъехать следующим. Кто-то, как обычно, лез без очереди и тут же отхватывал крепкими чарами по пятой точке. Сир Райс и заместитель ректора Джонас пристально следили за соблюдением правил на территории. Словом, привычный дурдом, ничего нового.

Над острыми шпильями академического комплекса парило воздушное судно. В этом не было ничего удивительного: в Анжаре обучались ребята и из Тарлина, и из Либтоуна, а кое-кто прибыл из самой Хитаны.

Из толпы, подпрыгивая, показалась Рисса. Точнее, ее отчаянно машущая рука и кусок светленькой головы. Зажатая со всех сторон, она могла двигаться только вверх, чем и занималась, привлекая наше с Вейном внимание.

– Они ничего не отмыли, Эв, – из соседнего вояжера выплыла Тейка и придала породистому лицу изможденный вид. – Стоило нас катать туда-сюда? Я половину вещей в суматохе дома забыла.

У меня лицо само по себе было изможденным, и прида-

вать вид не пришлось. Шесть часов поездки превратили мою и без того несчастную пятую точку в гудящий со всех сторон камень.

– Чем же этот жутко важный проклятийник занимался, что ни гхарра тут не отмыл?

Видимо, приглашенный мастер оказался так себе. И куда только королева смотрит, набирая себе персонал?

– А он не занимался! – Рисса наконец пробилась к нам и принесла на хвосте порцию новостей. Ткнула пальцем в небо, попав в покачивающееся на облаках воздушное судно. – Пару часов назад прибыл. Шепчутся, что его задержали «дела короны»...

– Угу, знаем мы эти «дела»... Нам обратно паковаться? – флегматично простонала Тея, не решаясь принять свой чемодан у Фила Экрю. Может, снова на крышу закидывать придется.

– Вот еще! И пропустить все интересное? – Рисса схватила ее под руку и отобрала у Фила Тейкин багаж. – Ну да, проклятья как висели, так и висят. Это минус. Зато прибывший мастер час назад огородил их такими крепкими экранами, что никто не провалится. Вляпаться нет шансов.

Крепкими, не крепкими... Я решила, что лучше все равно к этим жутким дверям не подходить. Вдруг Граймс про ампутацию мозгов не шутил. Достаточно с меня потрясений.

Диккинс остался дожидаться наших чемоданов, а меня отпустил с подругами. Все-таки он очень хороший друг, мой

среднестатистический принц. И вполне заслуживает чего-то большего, вроде танцев на балу и этих всех поцелуев за статуей Имиры Сиятельной. Мне ведь нетрудно, если ему хочется.

Следуя за толпой, мы устало ввалились в прохладный просторный холл.

– Наш красавчик ректор как будто приболел, – выдохнула Тея, разглядывая фигуру Керроу вдалеке.

Он что-то живо обсуждал с высоким темноволосым мужчиной и указывал на ближайшую к нам дверь за радужным экраном.

– Ну еще бы! На него столько всего навалилось, – сочувственно протянула Рисса, подталкивая нас вперед. Я пыталась, конечно, упираться каблуками, но быстро проиграла ее упорству.

Мне совсем не хотелось напоминать ректору о себе и своем «необычном случае». Может, он в суете забыл про папино письмо?

Фигура второго мага тоже казалась знакомой. Как-то уж слишком. До зубной боли. До магрени, бьющей в виски. И еще почему-то шею саднило.

Я сразу поняла, кого увижу, до того, как он развернулся. Проклятие! «Вляпаться нет шансов», так говорила Рисса? Вот еще как есть, и по самые кончики ушей!

Нет-нет-нет... Мне срочно надо назад, к вояжерам, к багажу. Я испуганно обернулась и поняла, что пробиться к Дик-

кинсу уже не выйдет. Толпа с чемоданами напирала со всех сторон.

Снова перевела взгляд на вархового хитанца, поджала губы. Толку с них, если дар речи закопался во мне намертво и, вероятно, навсегда. Да и мне решительно нечего было сказать этому незнакомому человеку. Не-зна-ко-мо-му, и точка.

Кроме того, что с черными глазами ему определенно лучше, чем с желтыми. Прямо даже почти не страшно. Если у него есть выбор, я бы посоветовала ему эти навсегда оставить, а те куда-нибудь выкинуть.

Мужик удивился мне не меньше. Это я поняла и по дернувшемуся кадыку, и по тому, как жадно он сглотнул. Чуть не подавился. Вот словно порцию изощренных ругательств проглатывал, чтобы при Керроу ненароком не брякнуть.

Чья-то сумка под одобрительный гул полетела в экран и отскочила в сторону, выбив пучок ярких радужных искр. Защита и впрямь на совесть сделана!

Ректор гневно зыркнул в толпу и, обнаружив зачинщика, двинулся на таран. Рисса с Тейкой полетели следом, боясь упустить горячее. И я поняла, что вот он – идеальный момент, чтобы ретироваться.

Скользнув якобы невидящим взглядом по фигуре, замотанной все в тот же заляпанный плащ с эмблемой, я развернулась... и узрела толпу, бравшую штурмом лестницу. Так, наверх попасть сейчас без шансов, значит, остается библиотека и магический питомник. Фидж наверняка успел по мне

соскучиться...

– Вы меня так быстро забыли, девица из Аквелука? – про-
никло вкрадчивое прицельно ухо. Пришлось обернуться, от-
шатнуться и мысленно закатить глаза. Ага, забудешь тут.

Хитанец явно быстрее взял себя в руки и теперь чему-то
ухмылялся. Странно и предвкушающе. Полный мрак! Вне
зависимости от цвета глаз.

– Что? – глупо выдохнула, разглядывая темно-карие ра-
дужки. Утопая в этих бесконечных омутах с самым отбор-
ным мраком на дне и ловя ртом ускользающий воздух.

– Правда совсем не помните?

– Я...

Мягко говоря, у меня нынче вообще проблема с тем, что-
бы отличить реальные воспоминания от выдуманных.

– Мы столкнулись в книжной лавке на той неделе, – хлад-
нокровно напомнил маг, распахивая плащ.

Согласна, как-то очень жарко тут стало в одну секунду.
Я потянулась к воротничку, но быстро передумала и сунула
руки в карманы юбки.

– Эмм...

– А затем в парке... Вы покупали яблоко, – убил он по-
следнюю надежду на то, что это был какой-нибудь его желто-
глазый брат-близнец. С таким же заляпанным плащом, высо-
комерным нравом и надменным выражением холеного лица.

– Ах да... Припомина-а-аю, – промямлила, скользя взгля-
дом по широким плечам и вниз, к краям рукавов. Все, лишь

бы в глаза не смотреть.

Но сделала только хуже, потому что залипла на крупных ладонях с сильными пальцами. Тьма меня!.. Хотя нет, больше не нужно.

– Вы еще крепко меня оскорбили, забыли? – развлекался столичный гость, разглядывая меня с не меньшим любопытством. В основном мою шею, спрятанную под легким темно-зеленым шарфиком и плотным воротником. Уши мои от его интереса разгорелись до самых кончиков. – Что-то про линияющих гхарров...

– М-даа... – протянула, медленно кивая.

Было дело, каюсь. Жизнь в Аквелуке накладывает неизгладимый отпечаток на лексикон.

– Какая короткая память у нынешних студенток, – удрученно покачал головой мужик и перевел глаза на мой рот.

Застрял там надолго, видимо, ожидая каких-то звуков. Которые спустя полминуты все-таки пришлось издать.

– У вас глаза были другие, – сдавленным хрипом обвинила хитанца. Отличная у меня память, как у любого теоретика! Порой хочется похуже. – Сейчас черные.

– Черные, – спокойно согласился мужчина.

– А были желтые.

– Разве? Вам виднее.

И вот тут я окончательно смутилась. Бесповоротно.

– Мисс Ламберт! – вернулся ректор Керроу как раз не вовремя. Я мечтала о спасении, но точно не о таком. – Ваш отец

прислал письмо и описал необычный случай. Это же надо, впитать столько тьмы... Невероятное везение, что все обошлось. Как вы себя чувствуете?

За исключением прожигающего щеки румянца, чувствовала я себя... Да нет, все равно паршиво. Так, что под землю провалиться хотелось, смешаться с камнями и никогда оттуда не выползть.

– Отец преувеличил масштаб проблемы, – почесала затылок.

Этот хитанец не может отвернуться хоть на минуту?

– Вам нездоровится, мисс... кхм... Ламберт? – подал голос черноглазый плод моих фантазий.

Явно же мне приснилась половина. Осталось понять, которая.

Стоп, так мы не договаривались... Мисс Ламберт? Срочно возвращаемся к «девице из Аквелука»!

– Я в порядке, – выдавила еле слышно.

– Одной Варховой милостью и молитвами вашего отца! – нахмурился Керроу, и я остервенело почесала зудящий кончик уха.

Да если бы одними молитвами... Беспокойство ректора было приятно, но мне не нравилось привлекать к себе лишнее внимание. Особенно всяких там черно-желтоглазых.

– Нет, Эйвелин, – ректор придвинулся ближе и понизил голос. – Сломанный барьер – это серьезно. Связи, вероятнее всего, нарушились еще здесь, в академии. Вы могли слу-

чайно угодить под одно из проклятий, разбросанных по-
лумным... в смысле, магистром Мюблиумом.

– Аккуратнее, Найджел, – напомнил о себе хитанец. – Ма-
гистр Мюблиум – безмерно уважаемый человек. Что бы он
ни натворил – а нам еще предстоит разобраться, зачем, – Фи-
ниус остается...

– Знаю, знаю, Данн, прости, – хлопнул того по плечу Кер-
роу. – Забыл в суете, что вы поддерживали с наставником
отношения и после того инцидента. Но вы давно не виделись
и... Тебе все же стоит знать, что в последнее время старик
вел себя странно. То есть... еще более странно, чем обычно.

Я покивала задумчиво. Да, на позапрошлой неделе Мюб-
лиум заставил нас вместо правильных простейших прокля-
тий создавать плетения с ошибками. Причем чем больше бы-
ло ошибок, тем выше ставил балл. И все бормотал про ка-
кой-то свет, что воссиял на маяке, указывая путь тем, кто
заблудился.

– Главное, что пока никто из учеников не пострадал, –
нервно продолжил Керроу. – Возможно, Королевский обра-
зовательный совет войдет в положение и не предъявит ему
обвинений... Но если будут жертвы...

– Жертв не будет. Ради этого я и прилетел, разве нет? –
хитанец дернул плечом и скосил глаза на сверкающий раду-
гой прочный экран.

Похоже, королева его все же не за красивые глаза держит.
Хотя бы потому, что они у него жутковатые.

Первый этаж академии гудел сотнями голосов, но нас словно купол окружил. Каждое слово проклятого хитанца прилетало ровно в ухо. Притом что говорил он негромко и вообще не со мной, а с Керроу. Мистика!

А Тейка права: наш красавец-ректор за неделю сдал. Сегодня мы с ним могли поспорить за титул «Мисс Бледность». Причем у него были все шансы на выигрыш.

Рисса предвидела, что Королевский образовательный совет прилично пощиплет ему хвост из-за случившегося. Не знаю, как хвост (на самом деле, он выглядел неплохо – блеснул привычной маслянистой чернотой, повязанный синей бархатной ленточкой у затылка), но вот сам Керроу казался пощипанным.

В глубоких темно-синих глазах не было той задорной искры, с которой он провожал нас к вояжерам. И морщинка на лбу стала заметнее. Так, словно он постоянно думал. И в академии творилось нечто посерьезнее спятившего профессора.

– Что касается мисс Ламберт, то это не проклятье. Уж я бы заметил... – пробормотал задумчиво сноб в грязном плаще и судорожно кашлянул в кулак. – Остаточные следы заметил бы, да. Но началось все здесь, теперь в этом нет сомнений.

– Загадок меньше не становится, – устало выдохнул ректор. – Я рад, что ты нашел время приехать, Данн. Надеюсь, Ее Величество простит нам твое отсутствие. У меня уже руки опускаются...

Непривычно было видеть Керроу таким растерянным. Обычно он строгий, подтянутый. Породистый красавец-аристократ, шикарный мужчина, мечта студенток, гроза первокурсниц и вот это все. Полный комплект. Рисса с Тейкой из-за него чуть не передрались в начале учебы – обе вздыхали ночами так, что шторы в нашей спальне ходуном ходили.

Нет, былой лоск, так будораживший сердца учениц, остался. Но теперь к нему в комплекте шли серые тени под глазами и выражение скучающей тошноты от ежедневного чтения гневных писем королевы.

– Ее Величеству придется смириться с тем, что у меня бывают и личные дела, – проворчал хитанец. – Я не ее карманный фамильяр...

– А в газетах пишут обратное, – едко хмыкнули за нашими спинами.

От голоса сира Райса, сочившегося ненавистью ко всему существу, начиная с синего анжарского неба и заканчивая томно вздыхающими молодыми преподавательницами, комок в моем горле обернулся колючим камнем. Вечно он пугает одним только присутствием.

Едва Райс с нами поравнялся, воздух заполнился противным ароматом настойки Эшерских дварфов. И я тут же вспомнила, почему обычно стараюсь обходить мага с другой стороны коридора. Потреблял он ее без меры и без всякого уважения к своей должности.

Резкие, грубые черты лица не так сильно портили мрач-

ную внешность, как он бы хотел. Рисса рассказывала, что он терпеть не может женское внимание и «пустую трескотню». Живет замкнуто в дальнем крыле и никому не открывает дверь в нерабочее время.

Жуткий, в общем, человек. Затворник. Говорят, у него по ночам из-за разрывов сплошные стрессы – слишком большая ответственность.

Если вдуматься, Райс был ровесником этого вот... квахара загорелого. Но выглядел прилично старше из-за сизых теней на бледном лице и бездны, плескавшей в острых глазах. И я бы поспорила с Диккинсом насчет того, у кого из этих двоих аура чернее.

– Мастер Рэдхэ-э-эйвен, какая встреча... – пробормотал язвительно, скользя по нам усталым взглядом.

Его короткие темные волосы топорщились во все стороны и просили расчески. Определенно, и женское общество, и «пустая трескотня» пошли бы магу только на пользу.

– Сир Райс... Исходя из аромата я бы рекомендовал вам пойти проспать, – брезгливо скривился столичный гость и отошел на полшага.

– Финиус все уши прожужжал про лучшего ученика. Интересно будет посмотреть, сколько способностей вы растеряли на сытой службе при дворе, щедрой на увеселения, – севший голос мага больше напоминал хриплое рычание простуженного зверя. – Впрочем, раз ректор уверен, что вы еще способны отличить морок от...

– А я слышал, сир Райс, вы как раз метили на место Мюблиума. Что, техники штопанья рваной материи не пользуются у студентов популярностью? Хуже только некромантия... Соболезную, – равнодушно покачал головой хитанец. – Понимаю, как вы раздосадованы, что решать проблему с зачарованными дверями вызвали именно меня.

– Лучше некромантия, чем исследовательские экскурсии под юбкой Ее Величества... Меньше неожиданностей, – сухо уведомил Райс и плотно сжал губы.

Смотрел он на гостя с неприкрытой неприязнью, разве что темный яд по квадратному подбородку не стекал.

– Я передам Ее Величеству ваши опасения, сир Райс, – нахмурился столичный мастер. – Уверен, она найдет способ их развеять.

– Кейр, Данн, уймись, – Керроу болезненно закашлялся и сжал пальцами переносицу. – Бодаетесь, как два гхарра за молодую самку!

Ректор требовательно посмотрел на Райса, мрачного и грозного, как анжарские тучи, вызванные тружениками из сельхозмага. Никакие молодые самки его точно не интересовали.

– Посмотрим, посмотрим... – недоверчиво проворчал темный маг, не желая сдаваться. – Если Рэдхэйвен все же не справится и падет смертью самодовольных глупцов, я рассчитываю, что ты дашь мне допуск к варховым дверям.

– Тебе работы мало? За ночь два разрыва...

Мужчины продолжали спорить, и я чувствовала себя совершенно лишней в этой беседе. Но и уйти не могла: взгляд темно-карих глаз с золотыми искрами на дне не отпускал. Естественно не отпускал, как сказал бы Вейн. Он словно на аркан меня взял – не дернуться!

– Можете отмывать двери в свое удовольствие, «мастер», – сир Райс поправил черный воротник, плотно обнимавший его шею. Задумчиво постучал пальцем по круглому зажиму с блестящим желтым топазом, заменявшему верхнюю пуговицу. – А я возьму на себя брошенных студентов. Они обеспокоены, и новые лица сейчас будут только...

– Я охотно заменю Финиуса, пока он выздоравливает, если в том есть необходимость, – черный взгляд снова вбил в меня, отдавшись болью в шее и бедрах. Ох, не к добру это все.

– Какой в том интерес королевскому мастеру, избалованному благами жизни при дворе, – натужно вспоминать программу третьего курса? – фыркнул насмешливо Райс.

Тут я с ним согласилась. Не нужно никаким столичным квахарам программу третьего курса вспоминать!

– Ошибаетесь. Мне вдруг стало очень, очень интересно, – вкрадчиво заверил того хитанец, опасно щурясь. – Если ректор не возражает, я займу кабинет Мюблиума, разберу его последние записи и возьму на себя его курс. На то время, что я здесь. Мисс Ламберт, вы на третьем? У вас есть «Защита от проклятий»?

Определенно, «девица из Аквелука» было лучше. Зря я не ценила, пока был шанс. И как все так быстро переменялось?

Я медленно кивнула, так и не обнаружив в себе дар речи. Из этих двух жутких зол выбирать было трудно. Оставалось молиться, чтобы Мюблиум пришел в себя поскорее.

Может, он уже через пару дней очухается, сам снимет черные чары и отправит важного проклятийника домой? А мы вернемся к повышенным баллам за допущенные ошибки? Мне, видит Варх, понравилось!

– Замечали что-нибудь необычное в последнее время? – деловито уточнил этот Рэдхэйвен. Глаза его искрились неподдельным интересом, тут он Райсу не соврал.

Я нервно кивнула, ощущая, как затягивается петля на шее. Знали бы Керроу и Райс, сколько всего «необычного» я в последние дни наблюдала. Вот начиная от смены цвета глаз вархового хитанца!

– Прекрасно. Тогда нам нужно будет подробно об этом побеседовать. Наедине. Инстинкты мне подсказывают, что обычно вы куда разговорчивее, чем сегодня, – ухмыльнулся мужик, явно не забывший про тот гхарров прыщ. И кто меня за язык дергал?

Последнее, чего я хотела – оставаться с *этим* наедине. У меня еще прошлые синяки не сошли! И я до сих пор точно не знаю, кто приложил к ним лапу. И зачем.

– Это плохая идея, Даннтиэль, – скривился ректор, и я вознесла ему мысленную хвалу.

А этого мужика так и зовут – Данн-ти-эль? За что с ним так матушка? Язык ведь в узел закрутится, пока выговоришь.

– Уверен, это поможет расследованию, – пояснил тот равнодушно. – Лучше всего странности в поведении Финиуса заметили бы его ученики.

– Мисс Ламберт нездорова, Данн. Ее отец просил взять девочку под наблюдение, – мягко объяснил Керроу. – Сначала нужно провести диагностику, проверить крепость барьера, а уж потом изматывающие допросы устраивать. Кабинет твой, должность тоже, записи мы не трогали. Опрашивай кого угодно, кроме Эйвелин.

– Спасибо, ректор! – вырвалось благодарное, и я тут же прикусила язык.

Надо было как-то спокойнее выразить восторг. Хотя... перебьется. Я даже заулыбалась от счастья, что «беседы наедине» отменяются. Вон, Рисску пусть допросит, она все про всех знает.

– Я присутствую на диагностике? – испортил все настроение хитанец. – Любопытный случай.

– Мы будем рады услышать экспертное мнение, – охотно закивал ректор, и благодарности во мне поубавилось.

Наверное, мою кислую мину все заметили, потому что у столичного сноба уголок губ зачем-то вверх пополз. А Керроу придвинулся ко мне и зашептал так тихо, словно мы что-то секретное замыслили.

– Эйвелин, срочность и серьезность вашего вопроса не вызывает сомнений. Вот только главный целитель отлучился в Хитану за редкими медикаментами. Он из староверов и терпеть не может воздушные суда, так что... ждем.

– Я совсем не спешу, – заверила его и уверенно потрясла головой, ловя черные искры перед глазами.

– Как только доктор Граймс вернется, вас вызовут в больничное крыло на диагностику. Не упрямитесь, это для вашего блага, – похлопал меня по плечу Керроу и, подманив к себе Райса, отошел к радужному экрану.

Попасть на прием к нашему светилу – циничному, зловредному Граймсу – скорее наказание, чем награда. Но отца не переспоришь, а уж если Керроу с ним согласен... Придется смириться и перетерпеть. В конце концов, это просто диагностика. Что может пойти не так?

– Так вот, как вас зовут, – тихо выдохнул мой аквелукский «невинно оскорбленный» знакомый. – Эйвелин. Что ж... Оно вам подходит.

– Что? – недопоняла я, задумавшись о часе мучений в кабинете Граймса.

И еще зачем-то о юбке Ее Величества. Что с ней не так, что столько разговоров? И какие в ней могут найтись неожиданности? Может, и зря я не читаю эрренских газет.

– Имя.

– А... – заторможенно поморгала. – Вам ваше тоже подходит. Очень.

Не стала уточнять, что это вовсе не комплимент. Как еще могли звать столичного сноба с черно-золотыми глазами? Естественно, так, чтобы все вокруг об него язык ломали. Даннтиэль Рэдхэйвен. Ну надо же!

– Отдыхайте, Эйвелин. Вы выглядите... помятой.

Кончики ушей вспыхнули так, словно в каждое послали по крепкому огнешару. Я стремительно отвернулась от проклятого хитанца.

Нашла глазами Риссу, вцепилась в светлые кудряшки, как в вархов ориентир в бушующем море человеческих тел, и решительно пошла на таран. Если меня затопчут, это будет не самым худшим выходом из сложившейся ситуации.

Глава 8

Ни до Риссы, ни до Тейки я так и не смогла добраться – их зажевало толпой и утащило вверх по лестнице. Я же перед тем, как пойти в спальню и завалиться в постель, сначала хотела сбегать в крыло магической зоологии.

Именно туда ректор велел отнести наших фамильяров на время отсутствия хозяев. Некоторые, конечно, не послушались, как Рисска, и тайком запихали питомцев и духовных спутников в рюкзаки. Но мой мизаур плохо переносил тряску в маг-вояжере. Он вообще от путешествий и замкнутых пространств становится нервным и кусачим и может неделю потом со мной не разговаривать.

В питомнике было необычно темно. Левая дверь, ведущая в лабораторию, была огорожена радужным экраном – очередным творением хитанца. Значит, Мюблиум и сюда добрался со своими проклятыми чарами... И как студентам теперь пользоваться лабораторией? Ну, тем, кто ей раньше пользовался. Не мне.

– Фидж, подай голос, вредина, – прошептала в темноту, отшатываясь от клеток с неявным содержимым. Видит Варх, не все фамильяры были безобидными, особенно если их забывали покормить.

– Эйфф... – басисто мурлыкнуло вдалеке, и я потопала на голос. Недовольный такой, предвещающий, что я снова буду

покусана за долгое отсутствие и ужасные условия содержания.

– Я сейчас тебе все свои синяки покажу. Меня без тебя уже покусали, – пообещала мизауру, протискиваясь мимо двух ташерских дикобразов-близнецов.

Их хоть и разделили клетками, но фиолетовые иглы опасно торчали из прутьев. Один принадлежал Филу Экрю, а второй – его брату Эрвину. Как и парни, животные разительно отличались характерами, и главное было не перепутать, который из них добряк.

– Покашши... – потребовал гаденыш, когда я встала напротив коричневой глазастой морды за серебряной перегородкой. Явно не с тем просил, чтобы меня пожалеть. А чтобы убедиться, что добавка не требуется.

– Вот, – я отодвинула шарфик от шеи, демонстрируя сочный кровоподтек с красноречивыми следами зубов. Хоть магический слепок делай, чтобы определить кусавшего! – Доволен?

– Ну кто же так кусает? – разочарованно протянул лопухий мерзавец. Он-то в этом деле был профессионал.

Мою хамоватую редкость заперли в одной из самых крепких клеток. Не потому, что он был особо опасен, когтист или ядовит. Просто единственный экземпляр в Эррене стоило беречь. Ценный был у меня «чубурашка».

Так его мама называла – «Чубурашкой». Когда объясняла, откуда у нас в доме появилось ушастое коричневое нечто.

Милое, лохматое и безобидное с виду, но кусачее, как стая бешеных вирр, если не в настроении.

Уж не знаю, какого эффекта добивались ученые с Сеймура, когда выводили этот экспериментальный образец по описанию из какой-то хавранской книжки, но... Шесть дней из семи я завидовала подругам, что у их фамильяров все было поменьше. И уши, и острота зубов, и аппетит. Потому как Фиджериус, в те славные времена, когда не кусался, или грыз все вокруг, или подслушивал.

Поскольку мизауры у нас не водились, то и инструкции к ним никакой не прилагалось. Ни по питанию, ни по приручению. Иногда мне казалось, что сеймурчане – ученые из мира порталов и открывателей – подарили его матери в качестве шутки. Или даже в наказание.

Отказаться она не смогла (научные связи в Междумирье и без того хлипкие, никто не бежит первым делиться опытом). Так что этот лохматый гаденыш живет у меня с двенадцати.

Мизаур активно шевелил круглыми локаторами, что не предвещало ничего хорошего. Сейчас на мордочке Фиджа уже пробивался светлый пух. Еще пара недель, и он окончательно сменит шоколадную шерстку на белую, как обычно случается по осени.

– И что за диагностика, Эйфф? – пытливо уставился Фидж большими голубыми глазами. Отсюда услышал! – И какой еще Рэдхэйвен?..

– Такой Рэдхэйвен! – нервно фыркнула, жмурясь от ду-

рацких ночных видений. Это просто сон. Просто сон. – Какой надо Рэдхэйвен!

– Кому надо? – с интересом уточнил гаденыш, аккуратно прикусывая мой просунутый палец. Не больно, так что это можно было расценить как ласку.

– Кому угодно, кроме меня, – прошептала сердито, выковыривая несносное создание из клетки.

– А Эйфф уверена? – прищурил голубые окуляры. – Тогда зачем Эйфф такая красная, как керрактская каэра о четырех плавниках?

Я закатила глаза: фамильяр у меня тоже был теоретик. Обожал проверять факты и делать всякие дурацкие выводы.

Только если я по ночам читала научные труды, Фидж получал знания иначе. Попросту подслушивал все, о чем говорят вокруг – начиная с ученых на Сеймуре, продолжая маминой лабораторией и вот, заканчивая академическим питомником.

Порой подкрадывалось отвратительное ощущение, что это ушастое чудовище (ладно, допустим, чудо) знает больше меня. Особенно о маминой работе. Она брала его с собой, пока жива была... Но он никогда не делился воспоминаниями.

Я слышала, что до меня у него была другая хозяйка, но о ней Фиджериус тоже никогда не говорил. Маленькая девочка лет четырех или пяти, что однажды провалилась в спонтанный портал и не нашлась. Родители-ученые вывели «чу-

бурашку» ей в подарок. Он тогда был совсем крохой. Может, даже не так больно кусался.

Опасная это штука – гулять между мирами. От ставшего ненужным мизаура, напоминавшего о беде, избавились. Передали его в Эррен – «хоть на опыты, хоть в зоопарк», так Фидж к маме и попал.

– Эйфф просто устала и местами сильно... «помята». Некоторыми. Местами, – объяснила я.

Прижала к себе шоколадную тушку и двинулась мимо ди-кобразов, угрожающе дребезжащих длинными иглами.

– Покашешшь, где помята? – гаденыш расплылся в предвкушающей улыбке. – Обещала показать... Все-все синяки...

– Надо найти тебе подружку, – проворчала, удрученно вспоминая, что мизаур в Эррене в единственном экземпляре.

Без понятия, когда у них случается половое созревание, но судя по намекам и плоским шуточкам, лопоухий Фидж уже был достаточно взрослым. А с подружкой имелась заговздка. Вот не могли с Сеймура прислать этих тварей в паре?

Я отрешенно смотрела, как Рисса достает из рюкзака свою белую ящерку и та начинает шустро перебегать по ее рукам. Эти двое вовсе не расставались и даже на лекции ходили вместе. Тейкина каффа надменно взирала на нас с самой вы-

сокой книжной полки, распушив длинный рыжий хвост, как метелку, которой Долия обычно стряхивает пыль с артефактов.

Фидж плохо ладил с другими магическими существами, но к соседям уже привык. Каффу великодушно игнорировал, с рисскиной ящеркой даже ладил, так что запирать его не требовалось.

Фенрисса что-то говорила, но все мои мысли занимал вархов проклинатель. Вот зачем ему участвовать в диагностике ауры? Я точно без его «экспертного мнения» обойдусь. Это и без столичных снобов малоприятная процедура.

– Имира Сиятельная, покровительница юных дев... Варх Всемогущий, дарами своими... Торум Громовержец, кара небес... Пошлите здоровья магистру Финиусу Мюблиуму... – донеслось до меня рисскино бормотание. Она жмурилась анжарскому небу, посылая молитву к невидимым золотым облакам.

Я в такие моменты старалась ей не мешать: каждый ищет покой там, где обычно находит. Я в библиотеках, Фенрисса – в храмах. Тейка... Судя по звону ее любимой шкатулки, она продалась богу дорогих побрякушек.

– Эта твоя религиозность, Рисс... – протянула Галлатея, когда та открыла глаза и затихла. – Какой в ней смысл?

– Смысл в том, что если ты не можешь с чем-то разобраться сам – попроси помощи, – миролюбиво улыбнулась подружка.

– И как, помогают? – флегматично подняла бровь Тейка. Они с каффой сейчас имели одинаковое выражение лица, и это немного смешило.

– Я верю, что помогут. Потому и молюсь всем богам на всякий случай. Это... кхм... практично, – пожала плечами. – Не только Варху Всемогущему, но и сестре его Имире Сиятельной, и брату его Торуму Громовержцу...

– Гномовержцу! – фыркнула Тея, азартно роясь в коробочке с украшениями.

– А ну как он тебя сейчас молнией шандарахнет, – сурово пригрозила пальчиком практично-верующая Фенрисса.

– Это вряд ли, – расслабленно заявила Галлатея, выуживая добычу – серьги с кроваво-алыми агонитами. – Фух! Я боялась, что забыла их дома...

– Ты невозможна!

– Я привязана к вещам. Они не предают, – Тейка завалилась на подушку и принялась разглядывать, как алые блики перебегают по крошечным агонитам. – Скоро бал... Я не могу уступить Килире и Лети. Сама понимаешь...

– *«Дир Папиллон никогда не проигрывают»*, – заунывно протянула Рисса и, уложив локти на подоконник, уставилась в окно. – Это девиз твоего пра-пра-пра... Варх знает, сколько там этих «пра», Тей! Оно того стоит?

– Стоит. Эти квахарки много на себя берут, – воинственно сощурилась Тейка. – А Гномовержца твоего самого уже... «шандарахнули». Только Варх и остался. Но и он вряд ли

прикрывает наши голые задн...

– Тея!

– Все самим, все самим. Никто не придет на помощь, как ни кричи, – вздохнула трагично Галлатея, последняя наследница рода дир Папиллон, и притянула к себе шкатулку с блестящими побрякушками. Задумчиво достала из нее ожерелье из ташерского хрусталя и аквамаринов. – Или все-таки «лёд»? Не люблю огонь...

– И какой в этом смысл? – обернулась к ней Рисса. – Огонь, лед... Красное платье или голубое... Фил или Жи-Роуз...

– Смысл в том, что сейчас решаю я, – упрямо объяснила Тея.

Мы с Рисской синхронно вздохнули. Комната заполнилась тишиной. И только мой мизаур чем-то бодро хрустел под столом.

– Пока меня не продали в брачное рабство, как твою драгоценную Имиру, – пояснила подруга. – Сидит она сейчас на окраине какого-нибудь жуткого Керракта, третья в гареме справа. И едва ли слышит твои молитвы. Так что ты особо не напрягайся, Рисс. И рассчитывай только на себя.

– Я хочу верить, – пробубнила Рисска, укладываясь щекой на сложенные руки. – Это моя зона комфорта. Эйви, ты с Вейном идешь на бал?

– Как обычно, – пожала плечом, падая в постель и подгребая к себе Фиджа за огромное ухо.

Он недовольно завозился, всем видом намекая, что мизанур – не какая-нибудь каффа хвостатая, исключительно для глажки созданная.

– Ты меня уже зачубурахала, Эйфф... – проворчал гадемыш, с мученическим видом подставляя шоколадное пузо.

– Он пригласил? – уточнила Рисс.

– Он пытался, – улыбнулась собственному коварству и покосилась на чемоданы, доставленные Диккинсом в нашу спальню.

Зря я так с ним. Глупая шутка вышла. Надо будет сходить и самой его на бал позвать. Не фарфоровая, не разобьюсь.

Глава 9

В голову всю ночь лезла отборная каша. С участием черных глаз, сверкающих из-под хмурых широких бровей. И твердых губ, грубо касающихся шеи, так, что хотелось вскрикнуть. И ладоней, сжимающих кожу – пьяняще и одновременно отрезвляюще. И хриплых проклятий, непристойно щекочущих ухо...

Во сне я сама тянулась к этим рукам и губам, требуя защиты. И не только защиты. Прижималась к гладкой, кошмарно горячей груди, в которую словно керрактский вулкан зачихнули.

Удивлялась одурманенным мозгом, почему на его щеках так много растительности, а на теле – почти что нет... Тут требовалось больше фактов, чтобы выдвинуть хоть сколько-нибудь приличную теорию.

Очнулась я с дрожью в коленках. Живот скручивало томной болью, пальцы до скрипа сжимали простынь, а сорочка липла к телу. Тьма! Да что со мной такое? И что забыл в моих кошмарах вархов проклинатель? Его туда совершенно точно не звали.

Страхнув с себя морок, я поднялась затемно и, пока подруги сладко похрапывали на подушках, достала из-под кровати коробку с формой. Тихонько, стараясь не разбудить соседок, втиснула ноги в мягкие обтягивающие брючки свет-

ло-серого цвета.

Просунула голову в темно-зеленую «защитную» кофту с высоким воротником. Поерзала в ней, ощущая, как непривычно обнимает тело плотная ткань. На босые ступни натянула тапочки для бега.

Это секретное сокровище я раздобыла еще на первом курсе, выменяла у знакомой с боевого. Ей потом новую форму выдали, а эту списали как пострадавшую на полигоне.

По корпусам в таком одеянии бегать запрещалось, костюм предназначался строго для магических тренировок, но в столь ранний час мало шансов с кем-то столкнуться. Так что я выскочила за дверь и припустила по серым коридорам, вдыхая запах родной академии.

Бегать я любила. Очень! Чувствовала себя в этот момент крикеткой, несущейся по заболоченному лесу. Свободной водоплавающей птицей, что если подпрыгнет повыше – непременно сможет полететь. Просто она пока не хочет расправлять крылья, вот и бегаёт.

Форма у боевых магов была чудесной. Замечательной! Тело дышало, коленки не путались в юбке, пятки не уставали от каблуков... Только ради этого стоило поступать на стийное.

Сделав три круга по большому академическому кольцу, соединявшему корпуса, я притормозила, чтобы отдышаться. Измотанный неизвестной хворью организм пока не желал приходить в себя.

Перед глазами плыли черные пятна. Некоторые из них сменялись розовыми, желтыми и голубыми, как в калейдоскопе. Я проморгалась, фокусируясь на двери, ведущей в аудиторию «Защиты от проклятий». Она была со всех сторон закрыта выгнутым экраном, это он сверкал переменчивыми цветами.

Прищурившись, я подошла ближе. Что-то там, за прозрачной преградой, не отпускало. Восстановив дыхание, я нагнулась к экрану, чуть не ткнувшись в него носом. Попыталась разглядеть черное плетение, опутавшее дверь. Что-то в нем не давало покоя. Какая-то... ошибка.

– Не бойтесь, что отрастут рога? – густой шепот пробрался в ухо, и я чуть вслед за носом не полетела в экран целиком.

Отпрыгнула в ужасе. Явно зря. Потому как влетела затылком во что-то твердое, ощущавшееся... как проклятый Рэдхэйвен, да. Откуда-то я точно знала, что он ощущается именно так. Наверное, из дурацкого сна.

Сразу за моим прыжком раздался не то стук, не то хруст, и вслед за ним – пачка ругательств. Я медленно обернулась. Судя по ноющей макушке и недовольной физиономии столичного мастера, я угодила ему прямо в надменный нос. И теперь он занимался любимым делом – проклинал все на свете.

– Опять вы за свое... – проворчал мужчина, потирая лицо. А нечего так подкрадываться!

– Какие еще рога? – побыстрее сменила тему, отходя по-

далее от мрачного побитого мага.

– У вас? Зеленые, под цвет глаз.

– А у вас тогда какие? – вздохнула сердито. – Один черный, другой золотой? Или в полоску?

Вот надо было налететь именно на него? Я не делала ничего дурного, но все равно ощущала себя пойманной с поличным.

Это вообще не очень-то прилично – в обтягивающих брючках и форменной кофте с чужого плеча стоять перед одетым с иголки мужчиной. Я ведь не на магическом полигоне. Я вообще теоретик и никогда там, слава богам, не окажусь.

– Мужчинам, мисс Ламберт, рога не к лицу, – холодно заметил вархов проклинатель. – Если они, конечно, не имеют отношения к линияющим гхаррам.

– Слушайте... Ай, ладно, извините, – я подняла руки в сдающемся жесте.

Не фарфоровая. И рациональная.

– Вы серьезно? – поперхнулся он, поглядывая с подозрением. Радужки у него все еще черными были, и эта загадка становилась все интереснее.

– Я правда перешла границы в Аквелуке. Не знаю, почему так завелась, – я закатила глаза, избегая пронизательного взгляда. – Точнее, знаю, но вы тут не причем. У меня на всех богатых столичных снобов аллергия, не на конкретно вас.

– Приятно слышать, – скривился маг, выдавая, что ему

совсем не приятно.

– Вы определенно никакой не прыщ, – я пригляделась к нему получше и утвердительно кивнула. – И задница того гхарра не линяет, – добавила, не увидев пока на проклинательском лице должного эффекта. – Шерсть густая, блестящая... Все, как положено. Превосходный экземпляр.

Нет, его снова не пробрало.

– Но она не имеет к вам никакого отношения! – замахала руками на случай, если он не так меня понял. – Задница отдельно, мастер Рэдхэйвен отдельно.

Кажется, я только хуже сделала. Иначе отчего у него глаз задергался?

Ну, да, я шесть лет живу в Аквелуке, где гхарров и их филейные части поминают почаще Варха. Простые работяги не следят за языком, и это несколько обогащает словарный запас. Ну так нам с ним не жить, к чему этот вид страдающий?

– Не думал, что вы учитеесь на боевом, – он недоверчиво оглядел мой рукав, на котором красовалась эмблема огненной стихии. – Хотя... Драться вы любите.

Я нервно сглотнула. Признаваться в том, что пользуюсь списанной формой чужого факультета, было плохой идеей. Но и врать я не умела. Красные уши тут же выдавали меня с потрохами.

– На теормаге, – пробубнила, глядя поверх его плеч. – Одежду у подруги одолжила. На денек-другой.

– Одолжили... – он задумчиво постучал пальцами по гу-

бам. А у него очень сильные руки... Очень. – У вас кончики ушей порозовели. Замерзли?

Проклятье! Я сложила губы колечком и медленно выпустила воздух. Уффф... Жарковато стало.

– Вы, кстати, и сами могли отойти тогда с прохода. В книжном, – напомнила хитанцу, расстегивая молнию на воротнике.

Душно тут, в коридорах этих. Совсем не проветривают.

– Мне стало любопытно, как долго вы сможете кашлять. Хотя, едва вы открыли рот, подумалось, что лучше бы вы ограничились «кхе-кхе»... – признался тот, тоже распахивая форменный удлиненный пиджак.

Он у него красивый был, чем-то напоминал маг-гвардейский парадный мундир. С золотой витиеватой эмблемой на груди и гладкими сине-золотыми пуговицами. Только сшит был явно из более дорогой и приятной ткани и длиной доходил до... до середины бедер, в общем. Которые к линяющим гхаррам не имели никакого отношения!

– Вы всегда наряжаетесь, как на смотр Ее Величества? – выдохнула растерянно, чувствуя себя в своих брючках той еще деревенской замарашкой.

Его челюсть дернулась, как от судороги, и плотно сжалась. А я ведь не имела в виду ничего дурного. Даже про королевские юбки не собиралась шутить. Просто мастер проклятий выглядел так, словно на парад собирался. А какие в Анжаре могут быть парады?

– Я взял с собой мало вещей. Не предполагал, что придется *так* задержаться, – с укором проворчал Рэдхэйвен и пояснил: – Керроу выдернул меня с одного приема. Туда принято приходить в соответствующей одежде.

Я проморгалась, подумывая, как бы так украдкой себя ущипнуть. Не ожидала, что он всерьез что-то объяснять начнет. Кому? Малознакомой третьекурнице?

А он, оказывается, вполне обычно говорить умеет. Без этого надменного хитанского тона, словно его от всего вокруг подташнивает.

– Почему вы мне это объясняете? – потрясла головой.

– Вы спросили, – королевский мастер сощурился пытли-во, словно в душу заглянуть пытался. – Вам не стоит подходить близко к экрану, он здесь не для красоты. Эйвелин.

Я дернулась от звука своего имени и резко застегнула кофту до самого подбородка. Так он его произнес – вкрадчиво, бархатно, с хрипотцой – словно владел какой-то тайной. И от этого ощущения по лопаткам полз озноб.

Я скользнула глазами по его щеке, покрытой щетиной. То же зачем-то прищурилась. Наверное, чтобы царапину лучше рассмотреть, что тянулась от его уха до подбородка, прикрываясь черными волосками. А чуть за ней, ближе к шее, мне померещился красноватый след от укуса. Боги Эррена... На него тоже ночью кто-то напал и синяков наставил?

– Как ваше здоровье? – вернул меня в реальность пострадавший, потирая ушибленный нос.

И столько любопытства плескалось на черных донцах зрачков, что захотелось выкрикнуть: «Да помню я вас! До сих пор синяки кое с каких мест не сошли!»

Но вместо этого я скосила взгляд на беззастенчиво сверкавшие пуговицы его пиджака и зажмурилась. Пыталась развидеть кое-что, что мне ночью пригрезилось... С участием этих вот сильных лап и грубоватых губ.

– На подобную одежду у вас тоже аллергия? – он прищелкнул по золотой пуговице, как-то неправильно истрактовав мою реакцию.

Ну не объяснять же, что мне полночи снилось, как он меня повсеместно ощупывает и обкусывает? Нездоровая у меня фантазия, ей Варху.

– Ничего такого, – проскрипела чужим голосом, отчаянно моргая. Всеми силами отводя взгляд от варховых пальцев. Они меня словно преследовали!

– Мой багаж доставят на днях. Поищу что-нибудь попроще, чтобы не смущать девицу из Аквелука сиянием королевского мундира.

– Да сияйте вы, сколько влезет! – фыркнула, отряхивая невидимую пыль с колен. – Чем-чем, а одеждой вы меня не смущаете...

Тьма! Отвернулась от него порывисто и побежала дальше по коридору. Варх с тем, что это выглядело неприлично.

То, что мне снилось, тоже, между прочим, неприлично выглядело. Я же с этим как-то живу? Пытаюсь.

Глава 10

На полном ходу я подрулила к библиотеке и, почти не тормозя, приложила к пропускному оракулу свой ученический жетон. Он что-то пробубнил и щелкнул замком, пропуская внутрь.

Благо, книги у нас были в свободном доступе всегда, в любое время. Поэтому ни боевая форма, ни взмокшая от бега спина, ни зачинающийся за окнами рассвет меня не остановили.

В виски колотилась мысль – странная, не оформившаяся. Что-то об ошибках в проклятиях... И, как истинный теоретик, я не могла проигнорировать кричащее чутье. Есть у нас такое правило: не проверишь гениальную идею сразу, потом непременно забудешь.

В ушах звучал голос Мюблиума, неделю назад поставившего мне высший балл по «Проклятиям». *«Такой ошибки не совершит даже первокурсник... Поздравляю, мисс Ламберт, вы превзошли себя».*

Я уже плохо помнила, что там наплела... Эта дисциплина одна из немногих мне давалась со скрипом. Не было у меня склонности к темным материям! А любая защита предполагает владение предметом, от которого надобно защищаться.

Я пошла мимо стеллажей. Второй курс, первый... Вот она, «Теория и практика простейших проклятий».

Вытащила из книжки магкарту и приложила к ней имен- ной жетон, оформляя заказ. На карточке тут же проявились мое имя, номер комнаты и дата возврата.

Зажав книгу подмышкой, я собралась на выход, пока меня кто-нибудь в боевом обмундировании не застукал. Но застряла у следующего стеллажа с биографиями извест- ным магов-экспериментаторов. Пробежалась пальцами по корешкам.

Измененное с учетом всех новшеств расписание нам еще не выдали... Свободных аудиторий на всех не хватало, поло- вину кабинетов закрывали экраны. Так что вряд ли сегодня будут занятия. И я успею почитать.

Книги меня всегда успокаивали, так с детства повелось. Библиотекари и хозяйки книжных лавок легко опознавали во мне родственную душу и подпускали к закрытым разде- лам. Ветхие томики отвечали взаимностью. Открывались на нужных страницах и даже умудрялись сильно не запылиться, если я забывала положить их в шкаф.

Мама, когда брала меня в лабораторию, выдавала ка- кой-нибудь трактат с картинками, чтобы я сидела тихонько. В тот день, когда грянул взрыв, мы с Фиджем листали «Ос- новы работы с материей изнанки»...

С тех пор я никогда не мечтала оказаться в лаборатории. Не грезила практикой в Хитане. И очень не любила, когда что-нибудь взрывается.

Мне нравилась моя спокойная жизнь без сюрпризов и

нервных потрясений. Когда все под контролем и все предсказуемо. Я недурно разбиралась в бытовых плетениях, и мои научные амбиции ими ограничивались. Кто-то должен заниматься и этой довольно скучной работой, зато полезной миллионам.

Вряд ли годы спустя будут помнить ту девушку, что изобрела действенный способ избавляться одним плетением от известкового налета в ванной... Зато им все будут пользоваться. А признание мне не нужно, я не настолько честолюбива.

Никогда не хотела оказаться в центре какого-нибудь скандала. И сказки про принцесс, похищенных демонами, меня не привлекали. Это Рисскина стезя, она у нас фантазерка. Несмотря на большую религиозность, она совсем не против, чтобы ее похитил какой-нибудь выходец из пламенного Керракта.

Тейка в мечтах летает поменьше, но предопределенность собственного будущего ее тяготит. Быть наследницей древнего магического рода – не сахар.

Что до меня, я сознательно предпочла предсказуемость и скуку. То неподконтрольное, что случилось за прошлую неделю, пока я спала... Оно нервировало. Выбивало из колеи. Я едва могла думать о чем-то, кроме дурацких снов с участием черноглазого «целителя»!

Лишнее доказательство, что все эти приключения и волнения – не в моей натуре. Плохо мне от них! Грудь печет,

живот ноет, дыхание перехватывает. Этак я все экзамены завалю.

Выбрав себе еще пару книг и с трудом удерживая их под мышкой, я теперь точно направилась к выходу. И ушла бы, если бы жуткие звуки не слышала. За соседним стеллажом кто-то всхлипывал, самозабвенно сморкаясь в платок.

Я прильнула к книжной полке и аккуратно выдвинула толстый томик «Родовых проклятий». Сначала надо выяснить, кто ревет, а потом уже идти успокаивать. Может, этот тот самый случай, когда деликатнее пройти мимо?

– Он совсем не узнает меня. Совсем. После стольких лет работы, сир ректор! – шептала, хлюпая на всю библиотеку, мисс Донован. Это была ассистентка Мюблиума, только благодаря ей он помнил, в какой аудитории у него занятия. – Все про какой-то свет на маяке бормочет. И еще про яра...

– Яра? – между книг возник наморщенный лоб Керроу. Судя по синякам под глазами, он вообще не спал на этой неделе. – Какого еще яра?

– Да откуда же мне знать? Я пыталась выспросить, помнит ли он, где какие проклятия развесил... Может, хоть отметки делал, какие чары использовал... Простите, сир, я так помочь надеялась.

Плечи молодой женщины вздрагивали в такт шмыганью, и ректор успокаивающе по ним похлопывал.

– Здесь вы видели магистра той ночью? – сосредоточенно уточнил Керроу, кивая на раздел «Изнаночных материй»,

что располагался между стеллажами с «Доварховой литературой» и «Существами древнего мира». – В этом самом месте?

– Именно тут и стоял. Совсем один, как будто заблудился, – закивала уверенно мисс Донован, громко вздыхая. Даже в столь ранний час ее темные волосы были гладко зачесаны и собраны в тугий пучок на макушке. – Зачем он это все натворил?

– Одному Варху известно, – покачал головой ректор, устало опираясь на стеллаж. – Мастер Рэдхэйвен примется за двери сегодня же. Может, удастся что-нибудь выяснить.

Вновь чувствуя себя лишней, я попятилась к двери и тихонько вышла в коридор. Поправив форму и поудобнее перехватив книги, побежала в обратном направлении.

Добралась до кабинета «Защиты от проклятий», притормозила, разворачивая голову на ходу. Радужного экрана перед дверью больше не стояло. И мрачное проклятие, что просматривалось под ним полчасом ранее, было аккуратно снято.

Хотя... Ну, как «аккуратно»? Посреди дверного полотна шла широкая, до сих пор тлеющая черная борозда. Похоже, мастер Рэдхэйвен решил первым делом очистить свою аудиторию. Пожав плечами, я опять припустила трусцой...

И подскочила от внезапного грохота, выронив все библиотечные книги. Опять испуганно покосилась на дверь, за которой кто-то негромко постанывал. Тьма! Да что там вообще

происходит?

Первыми я увидела глаза. Охристо-золотые, искрящиеся, будто в них зажгли по лампочке. Как застывший мед, через который просвечивает яркое анжарское солнце. Они смотрели прямо перед собой, разгоняя сиянием сгущавшуюся вокруг черную бездну. Она-то, эта бездна, как раз и постанывала.

Я застыла, напоминая себе, что любопытство мое сугубо теоретическое. И ко всяким беспокойным вещам не тяготеет. И все равно засмотрелась на королевского проклятийника из-за приоткрытой двери. Наш свеженький магистр стоял посреди аудитории и выглядел... совсем не свеженьким.

Посеревшее лицо, напряженно сжатые губы, обострившиеся скулы, которые будто судорогой свело... Рэдхэйвена окутывал сладковатый туман – черный, дымный. То там, то здесь темную муть прорезали ярко-фиолетовые нити.

Мастер сосредоточенно, будто от этого зависела судьба мироздания, наматывал их на запястья. Медленно, но упрямо подтаскивал жуткий морок к себе. Так близко, что уже носом в его окунулся и чуть весь целиком в черноту не всунулся.

Показалось даже, что он умудряется впитывать отрывающиеся от исчадия мрака плотные сгустки. Будто в его рацион темная материя очень даже входит. Не то что у анжарцев.

Да нет, не может нормальный человек переносить столь тесный контакт с дитем изнанки! Я зажмурилась и потеряла

глаза. Явно ведь мне это все мерещится.

– Уходи отсюда! – прорычал шепотом. Сам же не отрывал цепкого взгляда от клубящегося по аудитории мрака.

Да я бы и рада была взбесившимся гхарром поскакать прочь. Куда угодно, хоть к Варху на кулички. Во всем мои беговые тапочки виноваты. Они словно примерзли к порогу!

И еще туман, бесстыдно вившийся вокруг мастера и хищным удавом оплетавший его тело, гипнотизировал. Они словно общались без слов, покачиваясь в невидимом танце.

Я скосила голову набок, прищуриваясь. Субстанция, сотканная из черной тени, явно была разумной. Тело ее, непривычно кривое, прозрачное и изменчивое, все же имело подобие головы и конечностей. А когда существо обернулось в мою сторону, то и глаза нашлись. Черные, с узким желтым зрачком. Истинно демонические.

Я тонко вскрикнула, когда черное облачко вдруг шевельнулось. Неспешно вытянуло ко мне изменчивый «хоботок», удлинившийся до безобразия, и почти коснулось им онемевшего лица. Оно издавало эти странные подвывающие звуки, с которыми ветер гуляет по пустому дому. И как будто принохивалось изучающе.

– Пошла вон! Быстро! – прорычал мастер и резко сбросил с пальцев длинную фиолетовую нить.

Петлей накинул на туманную длань, тянувшуюся к моей шее. Заарканил вархову пятерню, собравшуюся сдавить мое горло, и оттащил негодника обратно.

– Вон!

Я пришла в чувство, отпрыгнула назад и захлопнула дверь. Уткнулась ошарашенным взглядом в поврежденное полотно. Мое любопытство абсолютно и бесповоротно уступило место страху, и я, забыв на полу книги, понеслась вперед по коридору.

Нет, к гхаррам такие развлечения. Оно же меня... Ко мне... Почти притронулось!

И что это вообще за «оно» такое, глазастое?

Сбивчиво дыша, я завернула за угол, и только тут вспомнила про библиотечные книги. Пробитое гхаррово копыто! Придется вернуться. Осторожно и не привлекая к себе внимание.

Обреченно прибежала обратно, присела, сгребла рассыпавшиеся томики. Прижала к груди, требуя от книг немедленного успокоения. Я не трусливая, нет... Просто это все слишком для меня, тяготеющей к покою и предсказуемости.

С той стороны двери раздался новый подозрительный звук. Такой, с каким падает на пол тяжелое человеческое тело. Мужское, загорелое, самодовольное. И упакованное в парадный мундир.

Имира Сиятельная, Торум Гномо... *Громовержец*... За что ж вы так со мной? Видит Варх, я себе завтра затычки куплю, чтобы ничего жуткого не слышать!

Сложив книги у стены аккуратной кучкой, я робко дотронулась до проклятой (во всех варховых смыслах) двери. И,

пугливо жмурясь, потянула за ручку.

Потому как падать там мог только некто очень конкретный, а не абстрактный. Едва ли пойманный мастером туман мог наделать столько шума! А значит, наделать его мог лишь сам Рэдхэйвен. И, кроме меня, в гхарровом коридоре в этот ранний час никого нет.

Просунулась в кабинет на одну пятую и оглядела поле боя. Надменное тело столичного сноба, валявшееся на полу без чувств, умудрялось даже лежа задирать небритый подбородок!

Вокруг отключившегося мага клубился все тот же черный дым. Только вел он себя, ей Варху, странно. Окутывал мужчину пушистым одеялом, облизывал «хоботком» заросшие щеки.

Будь я необразованной простачкой, понятия не имеющей об опасностях, что таят в себе «дети Тьмы», решила бы, что морок сожалеет о содеянном. И заботливо пытается привести Рэдхэйвена в чувство. Seriously, этот черный дымок выглядел виноватым!

Впитывая изумленно удивительную картину, я приблизилась осторожно к телу. Подтянув узкие штаны в коленях, присела, пригляделась. Морок был увлечен лобызаниями и на меня внимания не обращал.

Столичный квахар в «сияющих доспехах» был совсем плох и бледен. Даже загар сполз. Похоже, поединок с темной сущностью его прилично вымотал. Или не он, а другое что-

то.

Почему-то пятую точку закололо чувством вины. Но в отличие от черного облачка с хоботком я лобызать магистра не собиралась.

– Эй... сир, – прошептала, подбираясь на коленях ближе. «Мистером» его сейчас назвать язык не повернулся.

Сир не шелохнулся, продолжая хранить на высокомерном лице выражение холодной учтивости. Очень, надо признать, раздражающее. И я, окончательно спятив, принялась ладонями отмахивать черную жуть от бездыханного тела.

– Брысь! – шикнула на исчадие, перенимая хамоватые интонации хитанца. Должно же это хоть с кем-то работать? – Пошел прочь!

Морок оказался тягучим, вязким. Тут же прилип к пальцам, и пришлось стряхивать его, как какую-то слизь. Брр! Дымчатые комья полетели в стены, что-то шлепнулось на пол.

На ладонях остались темные разводы, и я брезгливо вытерла их о парадный мундир королевского мастера. Надеюсь, у него еще есть. Он ведь говорил что-то про багаж.

Туман смотрел на меня со снисходительным любопытством. Как на слабоумную, точно. Решившую голыми руками без всяких фиолетовых ниточек его прогнать.

Но я и не надеялась от него совсем избавиться. Хотела только с самодовольной физиономии сдвинуть. Мое теоретическое чутье подсказывало, что эти лобызания только усугубят.

губляют ситуацию. И чем усерднее морок будет вылизывать пострадавшего, тем дольше тот пробудет в отключке. А мне одной тут сидеть совсем не нравится.

– Мастер Рэдхэйвен... Давайте уже просыпайтесь, хорош дрыхнуть!

Ценное пространство над побледневшим хитанцем освободилось, и я с невиданным усердием похлопала его по ключим щекам. Ему полезно.

Мужчина приоткрыл глаза, плывущим взглядом сфокусировался на мне и выдавил нечто, сильно напоминающее проклятье. Но раз у меня не отросли лоснящиеся метровые рога, оно было «понарошку».

На меня снова глядели черные агаты вместо желтых джантариков, но я решила не удивляться. После тесного общения с мраком галлюцинации вполне нормальны.

Я замахнулась, и мастер резко поймал мою руку, настроившуюся на новый удар. Немного отвел от своего лица. Сглотнул, карябая мутноватым взглядом прикушенные губы.

– Опять дерешься? – прохрипел бархатно.

– Что значит «опять»? – резонно удивилась, пытаюсь выпутаться из захвата.

Не для того, чтобы ударить снова. Просто хотелось свободы: ощущать кожей его жаркое прикосновение было в высшей мере неловко. Очень. И шея опять саднить начинала. И пятая точка предательски заныла.

Но он крепко держал. Пялился на нависшую над ним меня. И щекотно, волнуяще поглаживал пальцем запястье.

– Эйвелин...

– Ум? – теперь уже я сглотнула.

Нельзя так на людей смотреть! Обычных, неподготовленных. Прожигая глазами до самых внутренностей.

– Пошла вон... отсюда... – прохрипел мастер защиты.

Я даже не сразу его поняла. Потому как цепкий, магнитящий, арканом хватающий взгляд очень расходился со словами. И явно меня никуда не отпускал.

– Все-таки вы невозможный хам, – покачала головой удрученно. И чему я удивляюсь? Он же хитанец. Там все такие. – Я тут вас спасаю, между прочим.

– Превращая мое лицо в отбивную? Уходите, мисс Ламберт, – вспомнил столичный квахар про любезности. – Здесь беспокойно. Морок Кхи-Гарда успел прорваться.

– Ах, во-о-от как его зовут...

– Кого? – удивился мастер, соскальзывая взглядом с моих губ на шею.

– Того, с хоботком.

Я поискала глазами виновника происшествия, но гаденыш успел улизнуть за шкаф и как раз в этот миг подтянул за собой волочащийся «хоботок». Но, может, это у него хвост был.

– Он местами размазался по стенам. Не знаю, как это убрать, – призналась, украдкой вытирая об мастера свобод-

ную руку, на которой еще остались темные ошметки.

Рэдхэйвен приподнялся на локте и недоуменно заозирался. А потом с тяжелым выдохом упал обратно на лопатки.

– А он вас тут, кстати, всю облизывал, – осуждающе покачала головой. – Как преданный пес. Выглядело гадко. Что вообще случилось?

– Слом проклятия привел к разрыву, – проворчал маг. – Хаотический морок прорвался и вышел из-под контроля.

– А-а-а... – протянула, придавая лицу понимающее выражение.

Что-то сломалось, где-то разорвалось, кто-то прорвался... Что тут непонятного?

– Обычно мы ладим, и он слушается... Как правило, – хрипло рассказывал Рэдхэйвен, перехватывая мою грязную ладонь и принимаясь старательно оттирать пятна своими шершавыми пальцами. Настолько старательно, что я до кончиков ушей мурашками покрылась. – Но случаются кризисы в общении. И мы... повздорили.

– Огхарреть, – выдохнула, глядя на ошметки черного тумана, уползавшие в щели между стен. – А у вас опять глаза золотом светились.

– Вам виднее, Эйвелин, – ухмыльнулся проклятый мастер, не торопясь выпускать мои ладони из теплых рук.

Глава 11

Кожа на запястьях горела, затылок до сих пор атаковали непослушные мурашки. А ведь я уже десять минут нервно топала по этажам, пытаюсь пустынными коридорами добраться до ученического крыла.

Еле сбежала от проклятого мастера, прикрывшись необходимостью срочно переодеться и получить новое расписание. Судя по цепким пальцам, меня ему понравилось ощущать куда больше, чем исчадие мрака.

Едва я просунула голову в форменное платье, ящик для ученической почты предательски зазвенел, будя заспанных Риссу и Тейку.

– Проклятье! – воскликнула в сердцах, рассматривая лист с расписанием теоретиков.

– Оно самое, да... – сонно проворчала Галлатея, запихивая себя в идеально выглаженный наряд.

У нее никогда ничего не мялось и не пачкалось. И я подзревала какой-то родовой заговор на личные вещи. Такой крепкий, что даже если Тейка захочет измазаться, ни гхарра у нее не выйдет.

– Еще и первым! – простонала, ловя понимающий взгляд подруги.

Мы синхронно положили в тканевые мешки по увесистой «Защите от проклятий».

– И чего ему не спится? Рэдхэйвену этому? – зевнула Тейка, на автопилоте наматывая волосы на завивающий артефакт.

Несмотря на небрежные движения, ее шоколадные локоны ложились один к одному. Точно заговор!

– Видно, утро выдалось уж очень бодрящим, – я пожалала плечами, вспоминая свои оплеухи и вылизывания морока.

Сверившись с расписанием, вложила в мешок и остальные конспекты. С Тейкой мы вместе шли только на первое занятие, а потом она уходила в стихийное крыло, а я топала к своим теоретикам.

– Идете смотреть на новенького магистра? – Рисса была раздражающе спокойна и давно собрана. – Мне только ко второму. «История доварховых времен», скукота.

Да я на этого «новенького магистра», Тьма свидетель, за нынешнее утро уже насмотрелась!

И ведь какое занятное совпадение: вархов проклинатель назначил занятие ровно в той аудитории, из которой я только что совершила побег. Сколько шансов, что он за время завтрака вытащит из шкафа непокорное облачко? Или мы прямо на нем практиковаться будем?

К моменту, когда мы с Тейкой приняли положенный прилежным ученицам вид, Рисса уже восседала на горе подушек и штудировала «Занимательную теологию доварховых времен».

– Слышала, на дэс Морган и тэль Диаз уже ставки дела-

ют, – пробормотала она, не отрывая глаз от страниц. – Расскажите потом, у кого больше шансов. Я хотела сотню поставить на Лети.

– Мм? – я оттянула ее «Занимательную теологию» за корешок, требуя внимания к себе. Тоже вполне занимательной.

– Килира много на себя берет, – «объяснила» подруга, невинно хлопая огромными голубыми глазами. – И, если верить газетам, она не в его вкусе. Но свежий взгляд мне не помешает.

– В каком смысле ставки? Кто делает? – уточнила сипло, так и не отпустив ее учебник.

– Так они со вчерашнего вечера словно две вирры во круг раненого гхарра вьются, – хихикнула смущенно Рисса. – Планируют брать измором. Сто йоргенов – сумма небольшая, но ты, как теоретик, все-таки просчитай шансы, ладно? Мне на карманные в этот раз совсем немного выдали.

И почему все ждут от теоретика магии аналитических выкладок на любой чих?! «Эйви, как полагаешь, сколько у меня шансов пробраться в кабинет Керроу и выкрасть табель с оценками?», «Эй, Ламберт, какова вероятность, что в выходные подадут альта-цитроновый пудинг?»... Мысленно зарывчав, я кивнула Рисске. Просчитаю.

За дверью, пострадавшей от слома проклятия, гудел рой анжарских пчел. Никогда еще предмет Мюблиума не был столь популярен, как сегодня. В аудиторию набились даже

те, у кого «Защита» не была обязательна к посещению. Явно тоже хотели... «шансы просчитать».

Мастер Рэдхэйвен с невыспаннным видом перемещался по залу. На самом деле, он вполне собранный был. Подтянутый и уже не бледный. Загар вернулся на законное место, зубы сверкали белизной, а парадный мундир, заляпанный моими ладошками, был снят и небрежно накинут на спинку стула. Так что вид его усталый замечала, похоже, я одна.

– Я бы его съела, – мурлыкала сидевшая рядом с нами Килира, в то время как я безуспешно боролась с приступами тошноты.

Я дурно спала и недавно притрагивалась к мраку, потому и мутило. Наверное.

– Не боишься, что в зубах застрянет? – ехидно профыркала Тейка, сидевшая по другую сторону от меня.

Они вечно перебрасывались остротами, используя меня как разумный буфер. Не сиди я между двумя наследницами знатных родов, те бы каждый раз выходили с занятий со сломанными ногтями и выдранными клочьями волос. Я с этой ролью давно смирилась, но сегодня она давалась нелегко.

– А я по кусочкам слопаю, – Килира дэс Морган облизнула губы и поправила пышную гриву медных волос.

Нет, не из-за мрака меня подташнивало.

– Не для тебя ягодка зрела, – задрала голову Лети, сидевшая на нижнем ярусе.

– А это у ягодки надо спрашивать, – пожала плечами ее

извечная соперница.

Ягодка чертила... Тьфу! *Рэдхэйвен* чертил на мерцающей символами доске какое-то заковыристое плетение, которое должно было защитить нас от «Проклятия мгновенной старости».

А он и впрямь потрудился вспомнить программу третьего курса! Начал ровно с того места, на котором остановился Мюблиум. И, стыдно признать, объяснять у него получалось ловко. Даже мне многое стало понятнее из того материала, который раньше никак не давался.

Я с любопытством следила за движениями загорелых пальцев, губкой впитывая новые знания. И от его вибрирующего, чуть хрипловатого тона, аккуратно вкладывавшего информацию мне прямо в уши, предмет становился еще интереснее.

Я старалась не отвлекаться на бубнящих соседок, решавших, откуда лучше начинать поедать магистров – сверху или снизу. И стоит ли их предварительно связывать, чтобы проклятье не наслало.

Игнорируя шум, следила за резкими взмахами ладоней Рэдхэйвена, вычерчивающего схему. От его запястий по рукам тянулись выразительные вены, опутывая кожу до локтей и убегая под закатанные рукава.

Я зачем-то вспомнила свои, черные, жгучие, те, что в парке появились. Задумчиво потерла шею. Разве это возможно – из человека Тьму высосать?

– Интересно, что там у него под рубашкой, – прошептала Килира, и меня чуть не вывернуло прямо на конспект. – Умираю, как хочу узнать, гладкая у него грудь или с волосками. Эв, тебе дурно?

– Прекр-расно все, – помотала головой, загоняя горечь обратно в горло. – Кили, ну какая, к гхаррам, разница, насколько преподаватель лохмат?

– Интересно! – она пожала плечами и мечтательно закатила глаза. – Я же только посмотреть. Пощупать. А там как пойдет...

Ох, что-то мне совсем поплохело! Вовсе не потому, что представилось, как дэс Морган съедает королевского мастера, отхватывая зубами куски посочнее. Я много чего повидала, так вот это не самое страшное.

Но то, что я откуда-то точно знала, что гладкая... И очень, очень горячая, как сердце пламенного Керракта... Вот это настораживало. Подобной «бесценной» информации в моей голове быть не должно.

Но она там есть.

– Ламберт, тебе бы к Граймсу, – участливо посоветовала Иллона с нижнего ряда. – Ты белая, как скатерть. А ты, Кили, забрось пустые надежды. Он с Ее Величеством роман крутит.

– Ой, мало ли что пишут в «Вестнике»! – взвилась Килира обиженно. – Эта Дафна Мэтьюз-Грейс та еще выдумщица.

– У меня точные сведения. Разве не знаешь, кем мне при-

ходится Ее Величество?

Едва ли в академии остался человек, который не знал, что полненькая Иллонка – троюродная племянница коронованной особы. Так часто она об этом всем напоминала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.